

№1

Литературно-критический
журнал

01/24

Главный редактор: Карина Ермолаева

Верстка: Влад Бойко

Корректор: Карина Ермолаева

Художник-иллюстратор: Катя Елыманова

Контакты редакции:

+7(987)064-67-15

E-mail: xxvek2022mag@yandex.ru

Художник-иллюстратор: www.instagram.com/poganochka

Рукописи не рецензируются.

Мнение автора и редакции могут не совпадать.

© Литературно-критический журнал «Во-вторых»

ОТ РЕДАКЦИИ

Журнал «Во-вторых» обобщает годовой опыт плавания студентов-филологов в водах современной литературной критики. Каждый автор этого номера за год сформировал круг своих критических интересов и выработал свой стиль, наиболее подходящий для разговора о выбранных им темах. Журнал содержит рецензии, обзоры, портреты писателей и критиков, статьи-размышления и статьи-возмущения, стилиевой диапазон которых варьируется от художественного и публицистического до научного и в целом соответствует стилевому разнообразию современной литературной критики.

Название журнала указывает на то, что наша литературная критика представляет собой аргументированное мнение профессиональных читателей, активно вступающих в диалог и даже полемику и с писателями, и с другими участниками литературного процесса.

Содержание журнала «Во-вторых» не ограничивается разговором исключительно о литературных явлениях. Наша редакция с интересом наблюдает и за смежными сферами: кинематографом, выставками, экскурсиями, лекциями и многим-многом другим.

Итак, не забудьте на суше свои акваланги — мы погружаемся!

ИЗ НАКИПЕВШЕГО

Похвала зрителю
и не только

6

(Не)своевременные мысли.
заметки о русской
литературе

11

ГАЛЕРЕЯ ПОРТРЕТОВ

И чем тебя сегодня удивить...

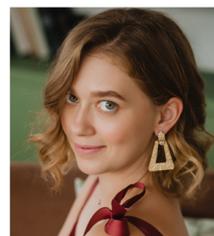
14

Любовь к своему делу.
встреча с Романом Михайловым
на pop/fiction весна

20

Он не поет дифирамбы

25

В ТРИДЕВЯТОМ ЦАРСТВЕ

Видеть чудо в простом

29

В поисках человека: сказка
от лауреата Нобелевской
премии

33

Небылица мачехи

38

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Болевой порог

42

ВОКРУГ ДА ОКОЛО

*Ужас без конца или
конец, без ужаса*

46

*Брик, Тамара и волшебный
шкаф*

51

Букхopping

56

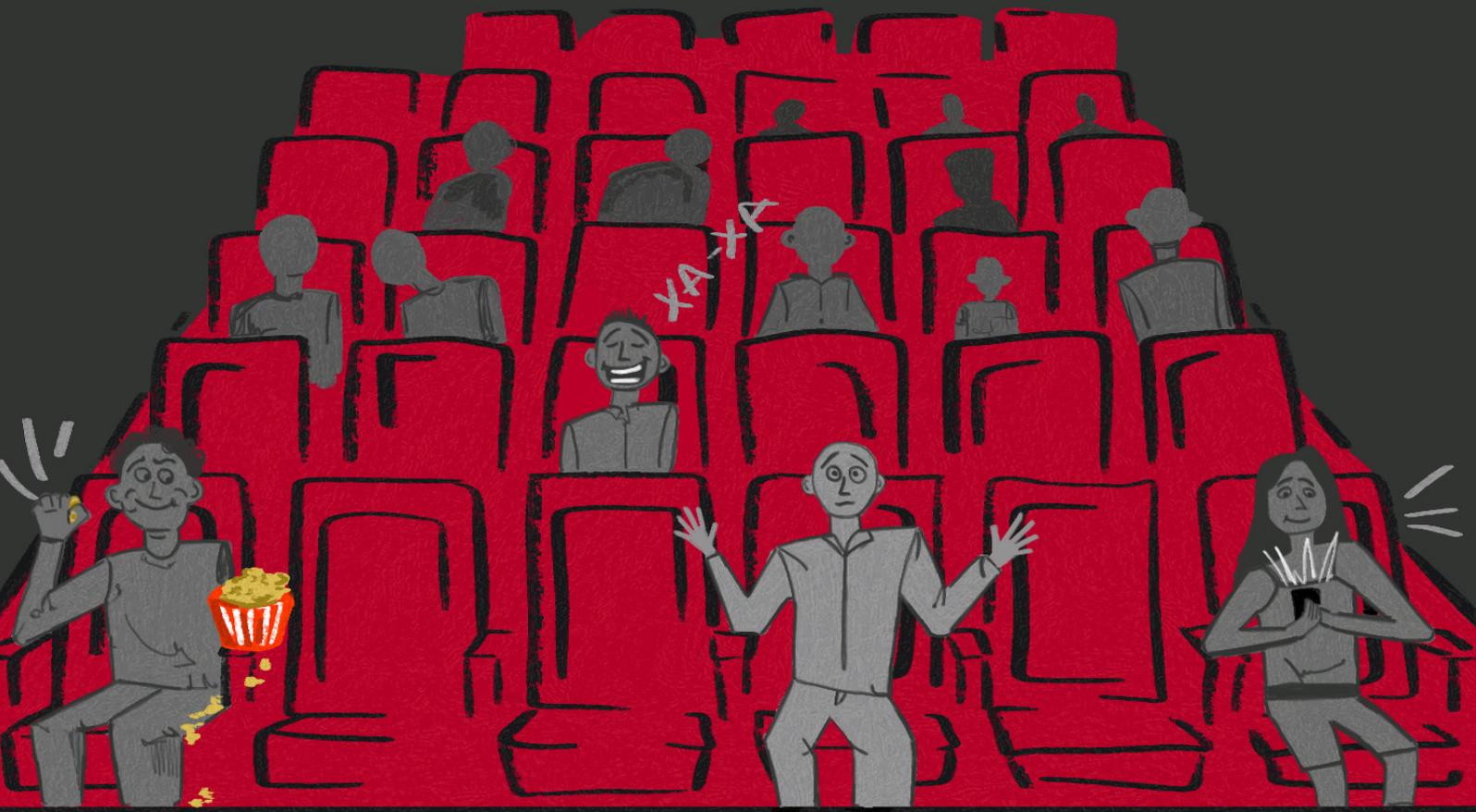
Дух литературы подпольной

61

ИЗ НАКИПЕВШЕГО

ПОХВАЛА ЗРИТЕЛЮ!

Анастасия Макарова

ПОХВАЛА ЗРИТЕЛЮ И НЕ ТОЛЬКО

Из накипевшего

- Платье?
- Поглажено.
- Туфли?
- Начищены.
- Прическа?
- Волосы распушу, так и быть.
- Макияж?
- Само собой.
- Перчатки?
- А век ты не перепутал?

Куда положено ходить *высококультурной* части общества? Театры, музеи, консерватории, филармонии. Ах да, еще конференции. И выступать там, разумеется. Ну, вот мы и ходим. Ноги еще не стерли? Ноги целы, а вот зубы иногда поскрипывают.

Прием. Позиция занята неверно. Впереди — препятствие выше среднестатистического. Экран не будет видно. Обходим с правого фланга. Прием. Здесь чья-то сумка. Продолжаю обследовать территорию. Прием. С какой стороны встанет докладчик? О, трибуну вынесли. План местности построен. Прием. Ты всегда мечтал находиться в авангарде. Садись на первый ряд. Прием. Здесь же надо будет все пять часов сидеть с умным видом? Прием. Без маскировки никуда. Умное лицо — еще не признак... Ты помнишь. Умный вид — еще не признак того, что человек думает о докладе, а не о кофточке докладчика или о повышении тарифа на электричество со следующего квартала. И потом, отсюда тебе будет удобнее выходить к трибуне. Прием. Как быть с вопросами? Прием. Лобовая атака. И не забудь вовремя отступить, сославшись на то, что эти связи еще предстоит исследовать. Прием. А если это смертельный выстрел? Прием. Поблагодари за интересный вопрос. Прием. А если наших бьют? Прием. Ты еще спрашиваешь. Доставай штык и скорее в атаку! И не подорвись на минном поле терминологии. Не уверен — не употребляй (впрочем, этот совет универсален). Прием. Только что поступила новая информация. Первый ряд займут организаторы. Сворачивайся и незаметно отходи.

Учебник по военной тактике? Отнюдь.

N вступил на порог зала, освещенного голубоватым люминесцентным светом, и прошел в специальную кабину с прозрачными стенками. Фиолетовый луч просканировал N с головы до ног, и на экране замигали изображения его айфона, наушников, умных часов и планшета. N достал предметы и положил их в открывшиеся в стенке кабины отверстия. Он знал, что ему вернут

его собственность после спектакля и не беспокоился. Это было даже весьма кстати, поскольку ай-фону и планшету требовалась подзарядка, а N знал, что эти новые кабины оснащены зарядными устройствами. На экране появился список ароматов отдельно для мужчин и женщин, и N нажал на понравившийся. На экране высветилось предупреждение закрыть глаза, и N почувствовал, как мягкий ненавязчивый аромат окутал его тело. Сегодня давали Островского, и N заметил, что в прошлый раз, когда он водил K на Шекспира, выбор ароматов был другим. K тогда поразовалась, что предложенный парфюм заглушил ее любимые духи с ароматом пионов, т.к. позже выяснилось, что мужчина, сидевший рядом с ними в зрительном зале, не выносил запах пионов. Прочитав на экране пожелание приятного просмотра и подхватив выпавшую бесплатную программку, N вышел из кабины и увидел, что его место в зале тут же осветилось приятным зеленоватым светом. N занял свое место и погрузился в изучение программки. После третьего звонка N привычно почувствовал, как тонкие ремешки, выдвинувшиеся из кресла, обхватили его шею, запястья и лодыжки. Зрители в зале сидели ровно и спокойно, не ерзали и не вертелись, подобно волчку. Ремешки были достаточно свободны, чтобы нажать пальцем на кнопки на стоящем спереди кресле. По желанию зрителя, оттуда мгновенно появлялся стакан с водой, салфетка или таблетка от кашля без обертки.

Что-то из области научной фантастики? Всего лишь сладкие мечты, друг мой.

Мы ведем прямой репортаж с места событий. Докладчик, решивший вместить содержание 40-минутного выступления в 20 минут, наращивает обороты. Он не запинается. Он говорит четко, ясно, отрывисто. Вы киваете в такт его речи, но едва ли успеваете ее осознать. Вы поражены его эрудированностью. Он хорошо натренирован. Он бодро перелистывает слайды: первый, второй, третий. Мелкий шрифт здесь только приветствуется. Вы не успеваете прочитать все то, что там написано, — не беда, зато докладчик укладывается в регламент. Мы с вами присутствуем при уникальном явлении бега на месте. Стрелка бежит по циферблату, докладчик бежит по страницам доклада, вы бежите глазами по слайдам. Примиряет вас это или нет, но укрепляющая мозг гимнастика вам гарантирована. Докладчик не сбивает темпа, у него не сбивается дыхание. Не важно, что у вас сбиваются мысли. Уже видна финишная черта, остаются считанные секунды. Ну же, ну же. Да! Последний слайд. Он добежал. Он успел уложиться ровно в 20 минут. Поздравляем!

Вдох, глубокий до изнеможения. И выдох. Наш спортивный репортаж окончен.

Темнота сковывала ряды кресел. Свет громадной люстры погас, и *они* знали, что пройдет еще долгое время, прежде чем он снова вспыхнет. Двери в помещение были крепко заперты. У дверей стояли угрюмые стражи в зеленых костюмах, наученные впускать каждого и не выпускать никого. *Они* молчали. *Им* следовало молчать. *Они* знали, что стражи наблюдают и подойдут к *ним* при первом подозрении. Вокруг мелькали странные тени. Только сцена была ярко освещена. Свет бил в глаза. На сцене что-то происходило. Там кричали, дрались и ругались. Кто-то плакал. Падали вещи. *Они* вычисляли, что это отец и сын. *Они* догадывались, что завещание было подделано. *Они* предвидели, что он ее бросит. *Они* предчувствовали, что вино было отравлено. Но *они* хотели знать наверняка. *Они* хотели знать, что думают те, кто по воле рока оказался запертым вместе с

ними. Ведь *те* могли узнать что-то заранее. Одна голова склонялась к другой, плечи сдвигались, слышалось несвязное бормотание, переходившее в торопливый шёпот. Можно было различить слова: *он, она*, в конце. Конца они ждали и боялись. Иногда они украдкой доставали телефоны в тщетной надежде связаться с теми, кому посчастливилось остаться снаружи. Свет экранов рассеивал окружающую темноту и свидетельствовал, что связь с остальным миром еще не потеряна. *Они* снимали то, что происходило на сцене. *Они* снимали себя и ряды безмолвных кресел. Чтобы, если *с ними* что-то случится, оставшиеся снаружи знали, через что им пришлось пройти. И в тот миг, когда головы сближались, когда лепет становился связной речью, когда тьму обжигал экран телефона, из сумрака материализовывались стражи. *Они* в панике замирали. *Их* руки холодели, немели уста, разговор обрывался, гас телефон. Ночь предъявляла на *них* свои права.

Фильм ужасов? Для кого как.

Он вышел к трибуне уверенным шагом. С собой он нес пачку бумаги и тут же принялся ее перелистывать. Это был еще один несчастный, которого забыли предупредить, что на выступление положено 20 минут, а не 40. Он был искренне удивлен и не мог понять, как ему сходу сократить свой текст, по значению и объему достойный стать монографией. Разве можно исключить этот тезис? Никак! Разве можно отказаться от этого примера? Недопустимо! Он честно ждал своей очереди, его выступление из-за разных проволочек началось на час позже, и уж теперь, победоносно обхватив трибуну руками, он готовился говорить. О наивнейший из смертных! Он думал, что ему позволят досказать. Ему напоминали, что осталось 10 минут, затем 5, затем 2. Судорожно листая страницы, он выхватывал откуда абзац, откуда два, бросал в сторону публики тезис, а затем принимался подробно разъяснять другой. Злобные организаторы! Даже сочувственные взгляды слушателей были не в силах умиловить их и отменить вердикт. И все же он взял свои полчаса. Уже сходя с облюбованного места, он разочарованно обронил: как жаль, что ему не дали рассказать *самого* интересного. Теперь, о печальный зритель, ты никогда не узнаешь *самого-самого*. Этот несчастный утаил это от тебя. Быть может, его грустные рассуждения так и останутся тайной за семью печатями. И он унесет их в могилу (если, конечно, их гостеприимно не приютит какой-нибудь сборник). Как же ты, о зритель, пребывающий ныне в смятении и недоумении, теперь будешь жить? И что это было? Формула философского камня? Доказательство мирового заговора? Подземный ход к пирамидам?

Чем бы ни было *самое-самое*, момент упущен. Не залить ли тоску чашечкой чая? Говорят, организаторы и на булочки раскошелились.

Прием, прием, как слышно? А вот плохо слышно. И ведь, знаете ли, ровно до этого докладчика все было в порядке. Никогда на слух не жаловался. Микрофона нет, это правда. Но предыдущие докладчики слушались без проблем. Обострение какое-то. Одним боком повернись, другим, шею вытяну — нет, с обоими ушами неполадки. А ведь думал, что до слухового аппарата еще жить и жить. Попросить, что ли, погромче говорить? А, ладно, посмотрим, кто там следующий по программе.

Внимание, внимание! Приходите на международную научно-практическую и совершенно бес-

платную проверку слуха и зрения. Индивидуальный подход. Бонусная программа. Забота о клиентах. Помните, болезнь умеет скрываться. Главное — ее вовремя выявить.

Вам, пробирающимся по ногам после третьего звонка.

Вам, обсуждающим тайны бытия во время доклада.

Вам, кричащим на зрителя, что он не там стоит, в кульминационный момент.

Вам, мирно спящим и сопящим под звуки оркестра.

Вам, приводящим непосед на трехчасовой концерт.

Вам, залипающим в телефоне во время чужих выступлений.

Вам, путающим любовную историю на сцене со своей собственной.

Вам, пришедшим выгулять новое платье и не посмотревшим, о чем спектакль.

Вам, уверяющим после волшебного преобразования зала, что это, конечно, ничего, но вот там-то было гораздо лучше.

Вам, описывающим в антракте после душераздирающей арии свои недавние поездки в Турцию, Египет, Италию, Францию и предоставляющим подробный фотоотчет об оных.

Вам, утверждающим в программе, что на выступление дается 10 минут, просящим перед докладом уложиться за 7 минут и напоминающим через 5 минут, что пора заканчивать.

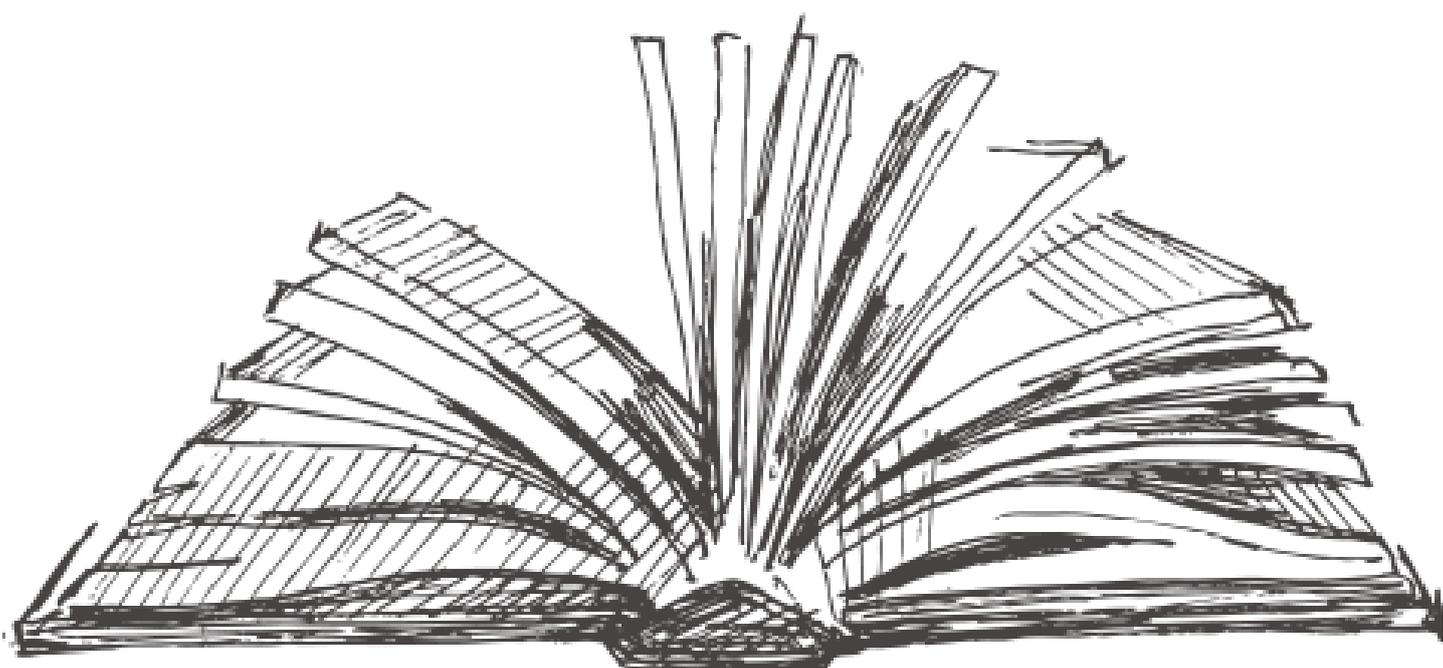
Вам, вечно чем-нибудь недовольным.

Вдох. Выдох. Десять раз.

Накипело.

И выкипело.

Ну что, куда пойдём?

(НЕ)СВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ: ЗАМЕТКИ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Начиная разговор о такой непростой теме, как современный литературный процесс в России, мы бы хотели прояснить, что именно мы будем понимать под этим тяжеловесным и сложным понятием «литературный процесс». Очевидно, что речь идет о книгах, писателях, издателях, критиках, литературоведах, читателях, но в каком именно аспекте? Ведь это уже не просто «древо», а дремучий лес, и «растекаться мыслию» по нему так просто не получится, и, судя по всему, в этом уже нет никакого смысла — заблудишься, а Вергилиев в современной России нет, только если псевдо-, но они, как известно, в ад проведут да там и оставят... Поэтому мы не будем уходить в описание и анализ поэтических новаторств или техник того или другого литературного деятеля, не будем давать обзор новых/старых, интересных/скучных, талантливых/бездарных текстов. Нас интересует, ужасает и в некотором роде вдохновляет (например, на написание этого текста) то, что в жизни называется «закулисьем» литературной жизни, в котором, к сожалению, зачастую процветают кумовство, гонка за количеством, а не качеством, посредственность и пошлость. Скажете: «Очередные сплетни?!» Если хотите, то да. Но не забывайте, что и Мастер нашел лотерейный билет в корзине с грязным бельем. А может быть, это бич XX века, с которым неразрывно связана и наша действительность? Ведь и у В. Сорокина отражающую этот «черный» мир жемчужину можно отыскать только в человеческих испражнениях.

Несмотря на то, что нас интересует и пугает неприглядная сторона литературной жизни, мы должны сказать, что литературный процесс не мертв. В современной России публикуется множество текстов молодых писателей, ведется активная переводческая работа, дающая возможность знакомиться как с мейнстримными текстами зарубежных авторов, так и с авангардными и «подпольными» изданиями. Современные технологии позволяют практически каждому найти свою аудиторию и использовать столь открытую и простую коммуникацию для демонстрации своих текстов.

Но возможности коммуникации еще не являются гарантией успеха. Зачастую в литературный мир пробиваются не самые талантливые писатели, а те люди, которые имеют близкие и хорошие отношения с издательствами или составом жюри крупных, по российским меркам, литературных премий.

Помимо этого, в Российской Федерации действуют законы, которые напрямую ограничивают читателя рядом литературных текстов, которые еще несколько лет назад были доступны каждому. Развивается цензура, которая редко помогает совершенствованию литературного процесса.

Издательские стратегии крупных компаний часто оказывают давление на появляющихся писателей, принуждая их создавать определенные медиаобразы внутри их небольшой сетки телеграм-каналов, подталкивают их и к публикации новых крупных романов в короткие сроки, заставляя их небрежно относиться к своей работе. Целью становится один лишь коммерческий успех, лишенный поиска новых форм искусства или оригинальных средств изображения стремительно

развивающегося мира.

В то же самое время малые тиражи книг и, соответственно, мизерные гонорары не дают ему возможности полностью уйти в выбранную им сферу искусства и остаться верным только ей. Писателям приходится погружаться с головой в околотературный мир, посещать ярмарки, книжные фестивали, престижные школы и другие общественные места, чтобы добиться популярности и получить деньги за 60-минутное выступление.

Не оставляет в покое и деятельность критиков, которые в каждом новом имени видят нового классика российской литературы. Стоит появиться хотя бы одному тексту, который объективно может вызвать интерес у читателя, критика, литературоведа, как его автор начинает получать лавры, не соответствующие его месту в литературе.

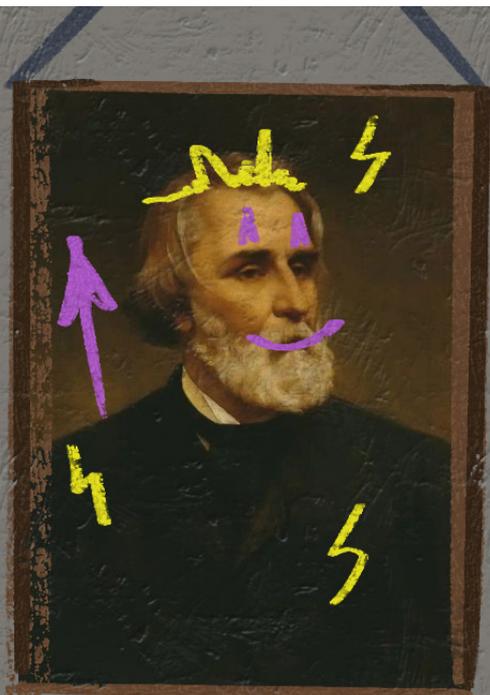
Критика не справляется со своей тяжелой деятельностью. Требуется куда внимательнее обращаться с новыми текстами, не вписывая их в устаревшие парадигмы истории русской литературы и не навешивая на них ярлыки.

Литературоведы, плетущиеся позади книгоиздателей и критиков, также подхватывают набранный соседями по профессиональной сфере темп и начинают штамповать статьи, в которых наукообразным языком пытаются доказать, что тот-то достоин большого внимания научной общественности, что сюжет романа открывает нам целую новую жизнь, которую раньше никто из нас не замечал.

Литературе требуется помощь. Людям в литературе требуются деньги. Одно несовместимо с другим. Писателю нужен советчик, литературоведу нужны выстроенные институции и научные школы, читателю нужно все в совокупности, чтобы проводить свой вечер или свободный день за книгой, которая действительно сможет изменить его взгляд на жизнь, как это бывает, когда вновь и вновь открываешь страницы потрепанных классических произведений.

Вы можете обвинить нас и сказать: это же ретроградство! какое узкое видение нашего активно развивающегося мира! Вы, конечно, вправе упрекнуть нас в этом. Но мы не пытаемся идти назад, мы не ищем заветного поворота, который приведет нас к миллионным тиражам толстых журналов или — еще дальше — к бородатым классикам отечественной литературы, каждое слово которых будет вписано в историю нашей страны. Нет, мы ищем не этого, мы хотели бы видеть независимость каждой инстанции литературы от другой. Мы хотели бы ощутить свободу, которая подталкивала бы писателя к новому образу, критика к поиску нового метода осмысления появившегося произведения, а литературоведа к новой теории, которая помогла бы сделать шаг к понимаю природы того или иного литературного произведения. Все это необходимо каждому, кто честно относится к своему труду и действует, не глядя на годовой издательский план компании, а обращаясь к желанию найти свой путь в мире науки и искусства.

ГАЛЕРЕЯ ПОРТРЕТОВ

И ЧЕМ ТЕБЯ

СЕГОДНЯ

Удивительные...

Оксана Корнеева

...И ЧЕМ ТЕБЯ СЕГОДНЯ УДИВИТЬ...*Размышления о поэзии Антона Бушунова*

Кто из нас не пытался писать стихи? Первые чувства, тяжелое расставание или же день рождения близкого друга мы хотим запечатлеть в зарифмованных строках. И если действительно выходят искренние, живые, динамичные стихи, можем ли мы считать их поэзией? Что является показателем истинного лирического творчества и отличает его от дилетантизма? Наверное, каждый по-разному ответит на этот вопрос. Я бы сказала, что стиль, уникальные способы подачи материала, особенности поэтики, оригинальность рифм и специфика ритма, возможность различных интерпретаций предложенных ситуаций придают стихотворению художественную ценность.

Современная поэзия располагает огромным количеством методик, стилей и образов, но тем не менее никто не отменяет необходимости филологической зрелости, творческого новаторства, философичности идей, поэтому каждое новое имя должно проявиться в оригинальной форме и глубоком содержании. На мой взгляд, ярким представителем современной поэзии является орловский автор — Антон Бушунов.

Бушунов родился в 1980 году в Орле. Окончил филологический факультет Орловского государственного университета, затем — аспирантуру, работал учителем в Сабуровской школе, с 2007 года и по настоящее время — научным сотрудником музея И.С. Тургенева. Более двадцати лет автор является ведущим актером народного театра «Ювента». Семь раз он был участником международного Форума молодых писателей России и ближнего зарубежья в подмосковных Липках. В разное время участвовал в поэтических семинарах под руководством Александра Кушнера, Игоря Иргеньева, Михаила Айзенберга, Ольги Ермолаевой, Андрея Василевского, Алексея Алехина. По итогам 2014 года Антон Бушунов стал стипендиатом Министерства культуры РФ.

Автор имеет публикации в региональной прессе, «Тургеневском ежегоднике», газете «Англия» (Лондон), журнале «Арион». В 2009 году увидел свет его сборник стихотворений «Выход из круга», а в 2020 — «Неочевидные приметы».

Диапазон тем и идей в творчестве Бушунова необычайно широк. Безусловно богатый жизненный опыт автора нашел свое отражение в его поэзии. Так под влиянием профессиональной деятельности появился Тургеневский цикл, который, по словам Бушунова, не был самоцелью, а возникал постепенно, поскольку многие стихотворения изначально создавались для различных музейных мероприятий. Например, произведение «Портрет» было написано для акции «Ночь в музее» в качестве презентации портрета И.С. Тургенева кисти К.Е. Маковского. Здесь Бушунов попытался оживить уходящую эпоху, представить подлинник портрета Тургенева и создать условия для интерактивного восприятия музейного экспоната:

А в полночь весь дом оживает
И слышен французский язык,

И даму на вальс приглашает
Сошедший с портрета старик.

Олицетворение всего музейного пространства и метонимия «весь дом оживает» придают повествованию мистическую окраску, намекающую на особую атмосферу любого музея, о чем автор знает не понаслышке.

Стихотворение «Бубулька», также относящееся к Тургеневскому циклу, представляет читателям известного писателя с другой стороны:

Тетрадь раскрыта. Бежевый щенок
Самозабвенно возится с перчаткой.
Усталый автор смотрит между строк,
Глаза прищулив, ищет опечатку.

Его герой в семнадцатой главе
Влюбился насмерть вопреки сюжету.
Щенок унялся и, осоловев,
К хозяйскому прижался силуэту.

Как видим, здесь Тургенев предстает не отдаленным от нас классиком отечественной литературы, а обычным человеком, занимающимся правкой нового романа, и в этот момент с ним находится его верный друг — собака Бубулька. Создавая аллюзию на произведение «Отцы и дети», поэт не обращается к проблематике романа, а пытается воссоздать творческий процесс писателя, зачастую выходящий из-под его контроля и подчиняющийся неведомым силам интуитивного прозрения, о чем свидетельствует строка «влюбился насмерть вопреки сюжету».

В лирическом арсенале Бушунова присутствуют и переводы стихотворений И.С. Тургенева с французского языка: «Короли-маги», «Сказка о синей птичке и зеленой ее сестричке», «Последний колдун». Обращение поэта к переводам демонстрирует талант и разносторонность автора, ведь, как отмечал В.А. Жуковский, «переводчик в прозе есть раб, переводчик в стихах — соперник».

Как мы можем заметить, творчество великого земляка сыграло важную роль в жизни поэта, однако он не ограничивается тургеневской темой. Не будем забывать, что перед нами поэт-филолог, учитывающий литературную традицию и работающий с классикой:

Из доклада

«Живой и актуальный образ волка
В литературе ярко отражен...»
Мелькает книжная извилистая полка:
Высоцкий, Лондон, сказка, поговорка.
Но вот уже флажками окружен,
И вся надежда на Гарсиа Лорку.
Но тот и сам петляет под ружьем.

Название стихотворения и первые строки являются пародией на научный текст, далее читатель сталкивается с отсылками на произведения В.С. Высоцкого «Охота на волков» и Д. Лондона «Белый клык», а также фольклорными мотивами, где образ волка символизирует опасность и беду. Гарсия Лорка воплощает собой свободолюбивое начало, но его трагическая судьба и гибель, окруженная тайнами, показывают горькую участь истинного таланта, что противопоставляется ироническому началу стихотворения, олицетворяющему бездарность псевдонаучного мира.

Примечательным примером оригинальной поэтической формы становится следующее стихотворение:

(1924 – 2007)

В книгах часто попадают старые закладки

открытка от бабушки («Золотой ключик»)

палочка эскимо («Судьба барабанщика»)

птичье перо («Алые паруса»)

пятерка «червей» (сонник)

лотерейный билет («На западном фронте без перемен»)

рентгеновский снимок («Братья Карамазовы»)

облатка из-под валидола (телефонный справочник)

календарик за двухтысячный год (Библия)

Главные книги определенного этапа в жизни каждого человека сопровождаются атрибутами, характеризующими особенности возраста.

Интересным синтезом реалий советской действительности и мировой культуры становится стихотворение «За солью-спичками под самый новый год...», позволяющее взглянуть на примитивную ситуацию под другим углом зрения:

За солью-спичками под самый новый год,
как водится, притащится соседка.

И что же общего у нас: водопровод,
табачный кашель, лестничная клетка.

Пришла, опять ее скрутил радикулит,
опять сидим и смотрим с легким паром,
опять лукашину не верит ипполит,
она в лицо мне дышит перегаром.

Вполне возможно, что Дега или Ван Гог
увидел бы в ней женщину с абсентом,
но я ей водки дал, поскольку — новый год,
и столько общего — вот с этого момента!

Мировоззрение автора помогает понять философская лирика, в которой зачастую присутству-

ют христианские мотивы:

Так замереть у проточной воды
(у родника и ключа),
Чтобы дожить до седой бороды,
До свежего кулича.

Пасхальный атрибут демонстрирует отношение поэта к Богу и вере: светские праздники отходят на второй план, лирический герой ориентирован на православный календарь.

В стихотворении «Из Крылова», построенном на аллюзиях к известным басням, Бушунов с горечью говорит о том, что человек забывает Бога и остается привязанным лишь к материальным ценностям:

Из Крылова

я помню
кто
напяливал очки
куда попало
не действуют никак
никак не вспомню
кто
послал вороне
кусочек сыру

Подобные лирические миниатюры поэт создает на различные темы. Например, опыт его театральной деятельности лег в основу следующего стихотворения, где смесь сказочного и бытового показывает изнанку праздника:

Новый год

в театральной гримерке
на шпингалете промерзшей форточки
висит прокуренная борода

Любовная лирика также воплощается в данной оригинальной форме:

все было
хорошо у нас
пока он
не стал торговаться со старушкой
за букет
полевых цветов

Поэт демонстрирует мелочность сознания и отсутствие истинных чувств, однако мы можем найти в стихотворениях и изображение подлинной, настоящей любви лирического героя, ведь свои поэтические сборники автор посвящает жене:

...И чем тебя сегодня удивить...
 Каким-нибудь пейзажем пятистопным... —
 К нам осень добиралась автостопом,
 И бабье лето запуская нить

Паучью. И почти наверняка
 На заднем плане — окна интерната,
 Где в сентябре все лепят облака,
 А к Рождеству отрачивают вату.

Философские размышления сменяются социальным планом: окна интерната намекают на то, что все люди сироты, но лирический герой Бушунова не оставит свою возлюбленную, и если ей тяжело будет услышать его, на помощь придет лесничий:

Но этим тебя вряд ли удивить...
 Опять сегодня выручит лесничий.
 Он переводит с русского на птичий:
 «Я вас любил, тив-тиу, вить-вить-вить..!»

Многомерная аллюзия на стихотворения А.С. Пушкина и И.А. Бродского вовсе не обещает трагического завершения любовной истории, как в произведениях предшественников, а смягчается звукоподражанием птичьих голосов, одновременно указывая на легкость и изящество стиля ведущих классиков разных эпох.

Так чем же в настоящее время, когда современная литература совмещает в себе тенденции различных течений и направлений, нас может удивить орловский поэт Антон Бушунов? Я отвечу на этот вопрос так: смелым совмещением временных пластов, богатой тематической парадигмой, глубиной философских замыслов, новыми формами и путями воплощения классических идей с учетом современных реалий.

Никита Окутин

**ЛЮБОВЬ К СВОЕМУ ДЕЛУ:
ВСТРЕЧА С РОМАНОМ МИХАЙЛОВЫМ
НА NON/FICTION ВЕСНА**

Встреча с лишь недавно вышедшим под софиты широкого общественного внимания писателем, драматургом, режиссером, сценаристом, эзотериком, любителем восточных духовных практик (а когда-то в прошлом — математиком международного класса, доктором физико-математических наук) Романом Михайловым прошла шестого апреля 2023 года, в первый день книжной ярмарки non/fictioN Весна — за сорок пять минут до закрытия. Презентация новой книги — в тесном лектории с самого края обширного павильона Гостиного двора, вдали от магистральных читательских потоков, стремящихся в просторные залы с громогласными презентациями очередных лауреатов Больших Ясных полей и прочего институционализированного добра.

Волновало ли это кого-то из участников? Едва ли.

Панически боясь опоздать, я избавил себя от неспешных прогулок меж книжных развалов, торопливо купил книгу про советский киноэкспрессионизм и устремился в лекторий. Опасения оказались напрасны — на свое скромное место с краю последнего ряда (их всего-то и было не больше шести) я приземлился за пятнадцать минут до планируемого начала. Аудитория слушателей собиралась на моих глазах, неспешно стекаясь в тихий зал, ближе к концу первого ярмарочного дня выглядевшего особенно уединенно.

У каждого продукта, в том числе и литературного — своя целевая аудитория. Полагаю, не будет преувеличением сказать, что, назвав ту или иную книгу, можно сразу сложить у себя в голове плюс-минус похожий на правду собирательный образ читателя, который ею заинтересуется и с жадным любопытством придет посидеть на ее презентации / послушать автора / поучаствовать в дискуссии. Попрактиковаться можно здесь и сейчас. Попробуйте представить себе среднестатистического посетителя встречи с автором: а) Монографии о роли танков ИС-2 в захвате Сандомирского плацдарма силами 1-й гвардейской танковой армии; б) Истории поволжского духовенства в XIV–XVII веках; в) глянцевого книжечки про «секрет успеха» в тиктоке от девятнадцатилетней тиктокерши; г) очередной книги-лауреата очередной Ясной Большой поляны, и далее по списку. С вероятностью 80% — не ошибетесь.

Подобной же игрой занимался и я, предвкушая встречу с поклонниками творчества писателя, пишущего про мир как карточную игру, про блаженных пациентов психбольниц, отчаянно-влюбленных сентиментальных подростков из печальных русских глубин, любящих перебегать из иллюзорной реальности в реалистичную иллюзию, эзотерических бандитов и праведников, исповедующих православие в весьма мистической его ипостаси.

И эту игру я проиграл.

В лекторий стекался, что называется, и стар, и млад. Грузный, профессорского вида пожилой мужчина, громогласно хохотавший вместе со своим товарищем; представительной наружности

дама средних лет, одетая ярко и со вкусом; пара молодых девушек-неформалов; парни диапазона на 25–30 лет непримечательной наружности; несколько взрослых женщин; мужчина лет сорока, похожий на владельца сети шиномонтажных на краю города. Ну и куда ж без меня самого в обнимку с советским киноэкспрессионизмом где-то позади. Эклектично. Не без легкой иронии я тогда подумал: «Вот он, писатель своей необычной, но неизменно пронизанной светом, добром и надеждой прозы, поистине способный объединить поколения».

Сам Роман Михайлов присутствовал в лектории с самого начала. Выглядел он, что называется, по-свойски: спортивные кроссовки; черный спортивный костюм без опознавательных знаков из свободных штанов и мешковатой толстовки с капюшоном; нерасчёсанные волосы, копной лежащие на голове; в руках бумажный стаканчик с чем-то горячим. Все пятнадцать минут до встречи Михайлов курсирует от трибуны (громко сказано, конечно — стол, да и все) до последнего ряда, демонстрируя признаки нервного напряжения — часто отпивает из стаканчика, убирает-вытаскивает руки из карманов, а во взгляде то и дело мелькают следы беспокойства. Ближе к началу запланированной встречи Михайлов садится за свой стол, отставляет стаканчик и прячет лицо в ладони на пару минут.

Подобное волнение Михайлова, далекое от чинности всех прочих спикеров и похожее на трепет любого здорового человека перед первым публичным выступлением, я трактовал чуть глубже. Его причиной служил не сам факт выступления, а чужая среда, в которой оказался Михайлов. Лощеный non/fictioN в белесой строгости Гостиного двора едва ли схож с привычной обстановкой писателя, который пробирается в психиатрические лечебницы по ночам и ставит в них свои пьесы.

Но это не означает, что в воздухе витает напряженность, а общая атмосфера нездорова — наоборот. «Мир вам, братья и сестры» — так Роман Михайлов начинает свое выступление, которое самым выступлением (то есть монологом автора, пришедшего поведать о великих мудростях и благосклонно ответить на парочку вопросов ближе к концу), в общем-то, и не будет. Скорее — диалог, обмен мнениями и впечатлениями в непринужденной атмосфере, со сведенными на нет барьерами между писателем и его аудиторией.

«Ну, расскажите нам что-нибудь!» — после кратких любезностей разряда «спасибо, что пришли» и т.д. вдруг раздаётся императивный призыв прямо над моим ухом (помним, где я сидел — последний ряд, ближе к выходу). Оборачиваюсь — на пороге лектория мнутя две только что подошедшие дамы позднебальзаковского возраста. Слабо улыбнувшись в ответ на сурово отданный приказ, Роман Михайлов вспоминает историю из жизни. Суть по пунктам: ехал в автобусе (я, говорит Михайлов, вечно в разъездах) — разговорился с мужиком — рассказал, как работал вахтой — и был там другой мужик, который угадывал время с точностью до минуты — без помощи солнца, хоть внутри помещения — несколько раз проверяли, всегда прав. И по тому, как Михайлов об этом рассказывает, чувствуется — цепляет его такое, берет за живое, искренне, без издевок. Ведь мужик этот — образцовый герой всей михайловской прозы. Ждем посвященный ему рассказ? Возможно.

Женщины, впрочем, не вдохновляются и отчаливают, бросив холодное «глупость какая-то». Михайлов, кажется, не сильно расстраивается — лишь слабо улыбается.

Повисает тягучая тишина — в какой-то момент становится неловко. Ситуацию спасает один из тех мужчин профессорского вида, сидящих прямо передо мной. «За что бы Вы не задумываясь отдали свою жизнь?» — громовым голосом спрашивает один из них, тот, что больше хохотал. «За любовь», — через секунду, действительно не задумавшись, отвечает Михайлов. «Браво!» — восклицает мужчина, восторженно захлопав в ладоши. Михайлов вновь одаривает аудиторию слабой улыбкой.

Снова виснет тишина. Настолько неловко, что начинаю судорожно выдумывать в голове какой-нибудь вопрос. Но прежде, чем спасательный круг вырисовывается в голове, бразды правления все же берет в свои руки сам Михайлов. Упомянув, что формальный повод для сегодняшнего сбора — выход нового сборника рассказов «Праздники», автор сразу же обозначает, что разговор не должен быть ограничен исключительно им. Про них он, дескать, и вообще не знает, что говорить — вон, даже карта в конце нарисована для особо запутавшихся. Да и что говорить в целом, Михайлов тоже не знает. А все потому (и тут мое вышесказанное предположение о причине его легкого беспокойства находит свое подтверждение), что сидит перед ним «не его аудитория».

Своим успехом Михайлов обязан не столько книгам, сколько выходу в свет и не самый широкий, но все же прокат двух ярких артхаусных кинолент за его авторством (на момент проведения встречи — «Сказка для старых» и «Снег, сестра и россомаха»). Успех и признание, безусловно, заслужены — но будто бы не слишком желаемы самим автором. И теперь Михайлов с некой долей досады отмечает, что видит, как «скатывается в попусу» — на его творчество обращают внимание все более и более широкие слои населения, рецензии на фильмы выходят не только в андеграунд-изданиях или на худой конец в «Сеансе», но и в «Московском комсомольце». А ведь та самая «его» аудитория — это прежде всего «разные чудачки, юродивые, шизики». В общем, все те, о ком с таким вниманием и любовью Михайлов и пишет в своих рассказах.

Впрочем, это не означает, что к «не своей» аудитории Михайлов относится предвзято и чурается ее пристального внимания. По его признанию, он с большим удовольствием читает все, что о нем пишут, говорят, следит за обсуждениями и дискуссиями по поводу его творчества. Приводит в пример «Сказку для старых» — сюрреалистичное полотно про трех бандитов. После выхода ленты в широкий прокат отзывы закономерно разделились: кто-то оказался в полном восторге (автор сих строк в их числе), а кто-то не проникся духовными скитаниями преступников в черно-серых тонах и увидел давно отжившую свое чернуху с закосом в сторону пресловутого «Бумера». Но, в отличие от многих, ни от какой критики Михайлов не бежит — читает все. Интересно ведь.

В итоге Михайлов предлагает задавать ему любые вопросы, какие только придут в голову. За исключением банальщины по типу «что вас вдохновляет?», разумеется, что особенно подчеркивает. Требуется разобрать и его книги, и все его творчество «по косточкам, на атомы». Побольше необычного, странного.

Аудитория оживляется, и вопросы сыплются. Некоторые запоминаются особо. Молодой парень в первом ряду интересуется: можно ли говорить о том, что «Изнанка крысы», вторая книга из трилогии михайловской метапрозы, построена на основе теории категорий? Что называется, бойся своих желаний — нестандартный вопрос повергает Михайлова в минутные раздумья. Нет, говорит, вряд ли — больше ничего из последовавшего диалога воспроизвести не могу. На время

краткого диспута двух людей с математическим образованием мой мозг уходит на заслуженный отдых. Вот, добавляет в конце Михайлов, его аудитория — «парень про теорию категорий спрашивает».

Разговор заходит о снах, что ожидаемо — мир «Праздников» целиком выстроен как единое сновидческое пространство. Михайлов признается, что сны кажутся ему чем-то особенно важным в жизни человека. Сам он их записывает, ведет дневник сновидений и к тому же самому старается приучить своего сына-подростка — сейчас, будучи взрослым, он искренне жалеет о том, что не помнит большинство своих снов из детства, которые когда-то казались очень важными. Помни он их — многое могло бы быть иначе.

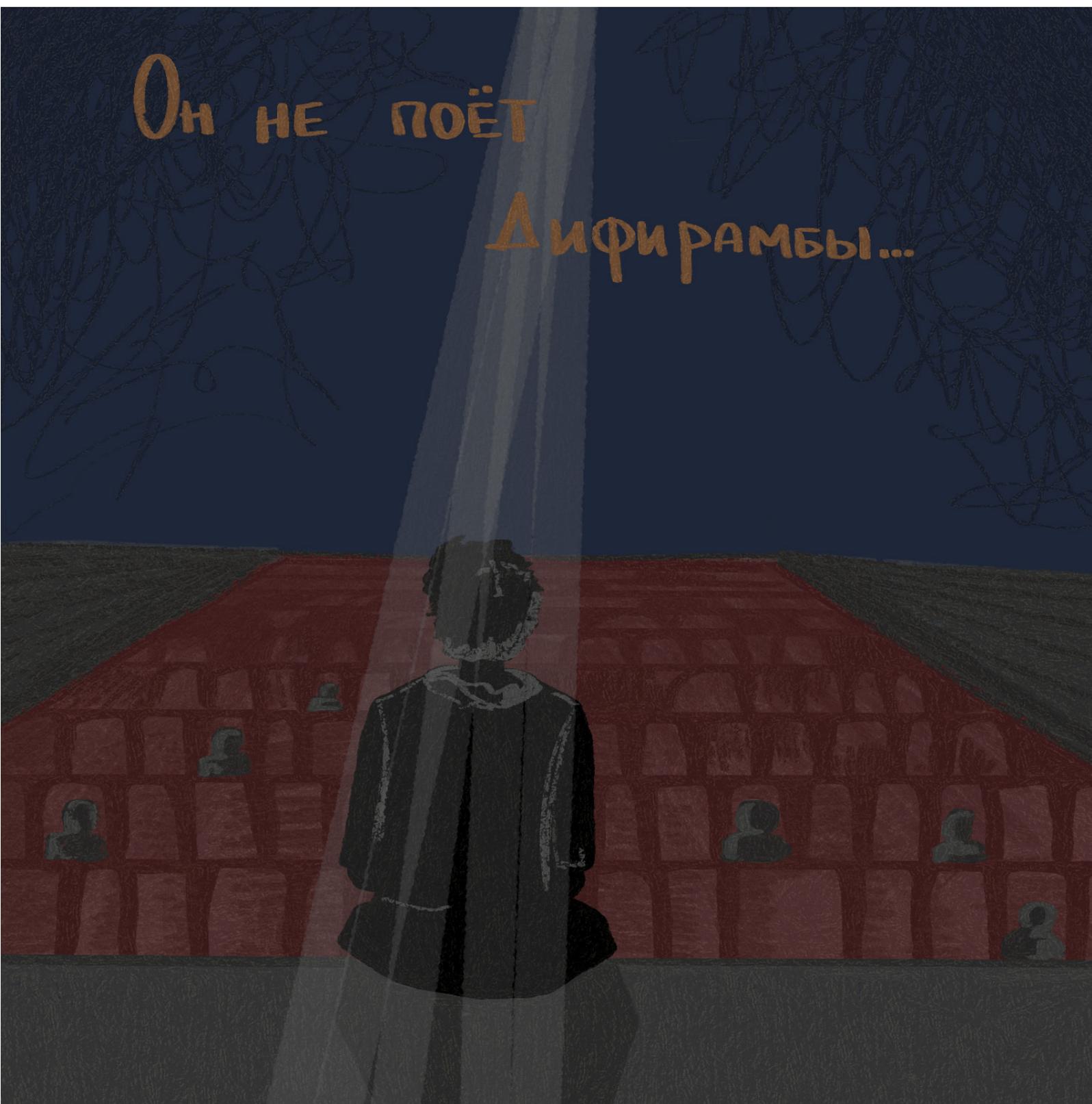
Отведенные встрече сорок пять минут заканчиваются очень быстро, и задерживаться некуда — в 21:00 ярмарка закрывается. Уже гаснет свет, и в полумраке я покупаю сборник сказок «Ягоды», вышедший вместе с «Праздниками» дополнительным тиражом, после чего иду за автографом. Пока Михайлов расписывается, решаюсь спросить: как относитесь к творчеству Андрея Платонова? Не уточняю, что вопрос обусловлен не только моей личной любовью к произведениям писателя советской эпохи, но и тем, что размытые следы его поэтики я нахожу и на страницах прозы Михайлова.

Отвечает с доброй улыбкой: нравится его творчество, хотя и временами очень сложно читать. Но главное, что импонирует — это то, с какой энергией и любовью Платонов «относился к своему делу». Забираю книгу с автографом, прощаюсь, ухожу. Размышлений накапливается все больше и больше.

Вопрос творческого амплуа, создаваемого и поддерживаемого писателем, любопытен, и профессиональное литературоведение серьезно им интересуется. Что сказать о Романе Михайлове, вышедшем в свет из узких кругов совсем недавно и с каждым годом набирающем популярность? Складывается впечатление, что говорить о сознательном конструировании того амплуа, в котором он предстает публике, не приходится. Михайлов действительно живет в том мире, о котором пишет: в мире чудиков, юродивых, людей с психическими заболеваниями, религиозных мистиков и мужиков, угадывающих время с точностью до минуты. А потому в каждой написанной им строке и в каждом кадре снятого им фильма ощущается то, за что он больше всего ценит Андрея Платонова — неустанная энергия и искренняя любовь к своему делу. Ведь даже их герои, в общем-то, похожи. Юродивые, блаженные бродяги-сироты, болезненно рефлексирющие о разрушающихся основах мироздания и глубокой метафизической пустоте. И если Воцев так и не нашел, куда ему жить и продолжил «думать в голову», то персонажи Михайлова спасаются соприкосновением с сокрытой изнанкой реальности.

Писать о таких людях — сложно. Платонову, как мы знаем, пришлось выработать свой, ни на что не похожий и совершенно невоспроизводимый язык. И Михайлов, верный своей сверхзадаче создания «нового и нового», стремится к тому же самому.

Возможно ли достичь этого без огня в душе, без неудержимой энергии внутри (Михайлов снял пять фильмов за полтора-два года — любой, кто хоть как-то знаком с процессом кинопроизводства, подтвердит, какой это колоссальный труд)? Едва ли. Но в Михайлове это есть, и встреча в полумраке последних минут ярмарки это лишь подтверждает.

ОН НЕ ПОЕТ ДИФИРАМБЫ

Портрет театрального критика Павла Руднева

В начале 90-х годов произошел коренной перелом в театральной жизни страны, сделавший сцену открытой площадкой для экспериментов. Прощание с цензурой позволило говорить со зрителем о чем угодно и как угодно буквально каждому, желающему ступить на театральное поприще. Одним из итогов случившейся трансформации стало рождение «новой драмы», во многом отличающейся от своей «предшественницы», возникшей на столетие раньше. Теперь «новая драма» — это не просто литературное течение, а целое «театрально-драматургическое движение», в котором, наряду с автором художественных текстов, важное место занимает режиссер, актер, фестиваль организатор и критик. Да-да, все верно, сегодня критик для театра — это не просто сторонний наблюдатель извне, а тот, кто может посмотреть на него изнутри, выстроив взаимодействие.

В числе первых, кому предстояло осмыслить феномен «новой драмы», оказался Павел Руднев. В 1998 году он закончил театроведческий факультет ГИТИСа, а в 2001 успешно защитил кандидатскую диссертацию — «Театральные взгляды Василия Васильевича Розанова», в дальнейшем ставшую его дебютной книгой. Профессиональная деятельность Руднева многопланова: доцент Школы-студии МХАТ, преподаватель Высшей школы деятелей сценического искусства им. Г.Г.Дадамяна, лектор образовательных порталов, бывший помощник О. Табакова и ... и это далеко не все.

Будучи молодым начинающим критиком, Руднев будто бы «сорвал джекпот»: ему предстояло наблюдать и описывать то, что только зарождалось тогда в драме, постепенно приобретая некую очерченность. Статьи рассматриваемого автора, выходившие и до сих пор выходящие на страницах таких «толстых» журналов, как «Знамя», «Новый мир», «Урал», «Петербургский театральный журнал», представляют собой некую летопись Новой драмы. По своему тематическому содержанию их можно разделить на следующие категории: рецензии на постановки, теоретические статьи с попытками выявления неких смысловых и структурных закономерностей развития современных пьес, исследования форм существования нынешних театров и некрологи, посвященные деятелям искусства, многих из которых Руднев знал лично.

Стоит отметить, что в отношении Новой драмы театроведы сработали, что называется, на опережение, обогнав нашу литературоведческую братию. Во многом это связано с формой бытования современных драматических произведений. Первые пьесы Новой драмы стали известны благодаря конкурсным фестивалям «Евразия», «Любимовка», «Ремарка». Появляясь в лонг-листах, тексты сразу попадали в руки режиссерам, при этом обходя стороной обычного читателя. Соответственно, круг лиц, имеющих доступ к пьесам сегодня, узкий: эти произведения хранятся в закромах театральных библиотек или же в электронных архивах некоторых журналов, о суще-

ствовании которых мало кому известно.

Рудневу, как члену жюри всех вышеперечисленных конкурсов, очень хорошо знакомы не только спектакли, но и литературные первоисточники, без осмысления которых становится невозможен полноценный анализ их сценической реализации. «Россия литературоцентричная страна, — пишет Руднев, — и история театра во все времена предполагала, что драматург идет впереди процесса, предвосхищает перемены и пишет текст не для существующего театра, а пьесу-мечту».

Что же касается выбора объектов для рецензий, то в поле зрения Руднева попадают репертуары не только столичных театров, но и провинциальных. В своих работах он не раз отмечает, что современная драматургия начала зарождаться на периферии, там же пьесы благодаря «тестирующему механизму» впервые проверялись на публике. Поэтому без взгляда на региональные театры вряд ли можно составить полноценное представление о Новой драме. Какое-то время Руднев даже вел на YouTube авторскую программу «Жизнь в Театральных Креслах», в которой обсуждались последние постановки совершенно разноплановых российских театров.

В 2017 году критик обобщает опыт своих двадцатилетних наблюдений в книге «Драма памяти. Очерки истории российской драматургии. 1950-е—2010-е». Добавленная в подзаголовок жанровая принадлежность издания показывает скромность автора и отсутствие у него претензии на создание какого-то научного исследования, хотя его черты вполне возможно обнаружить. С другой стороны, очерк — это своего рода маркер, отмечающий, что книга рассчитана на широкий круг читателей. Действительно, неакадемических работ о Новой драме пока написано мало. Пожалуй, самым известным образцом стала книга Б. Боймерс и М. Н. Липовецкого «Перформансы насилия: литературные и театральные эксперименты “новой драмы”». Руднев, подтверждая некие выявленные исследователями наблюдения, выражает свой, ранее никем не высказанный взгляд на преемственность поколений драматургов. Хотя представители «новой волны» (В. Арро, В. Славкин, Н. Садур, Н. Коляда и др.) и Новой драмы (братья Пресняковы, Я. Пулинович, Е. Гришковец и др.) не обменялись «рукопожатиями», полностью отрицать связь между направлениями нельзя. Пусть и не совсем явные, но все-таки присутствующие сходства можно выявить в типах конфликтов и героев.

Одну из целей своей работы Руднев формулирует так: «обнаружить через пьесу реконструкцию религиозного сознания в атеистическом обществе», — что задает уже не совсем привычный ракурс для анализа драматургии 50-х. Обращаясь к пьесам А. Арбузова, В. Розова и А. Володина, критик говорит о том, что религиозное мировоззрение русского человека смогло «приспособиться» к условиям советской действительности. Каждому автору в книге посвящена отдельная глава, которая включает в себя анализ пьес драматурга и их сценические интерпретации. Знакомясь в хронологической последовательности с драматургами разных эпох, читатель наблюдает, как завуалированные, с трудом считываемые библейские мотивы в пьесах послевоенного поколения в современных текстах звучат провокационно и гротескно. Книга получила положительные отзывы от театрального сообщества, а в 2021 году сделала своего автора лауреатом Премии города Москвы в области литературы и искусства.

Но круг интересов Руднева не замыкается на одной Новой драме. В авторской рубрике журнала «Новый мир» «Театральные впечатления Павла Руднева» и в статьях «Петербургского театраль-

ного журнала» собраны рецензии критика на спектакли и по классическим пьесам. В манере рассуждения критика чувствуется стремление не просто отрефлексировать увиденный спектакль, но и выйти за пределы анализа конкретной постановки с помощью небольших экскурсов во все творчество драматурга, проведения аналогий с опытом предшественников, размышлений о воспроизводимых на сцене реалиях. Все это не только создает объемное представление о спектакле, но и вписывает его в социокультурный контекст времени. В одном из своих интервью Руднев замечает, что «критик должен быть понятным». Эта понятность проявляется в работах критика как в последовательном изложении информации, так и в простоте и ясности языка, не перегруженного театроведческой терминологией. Яркие и броские заголовки его статей сопровождаются разъясняющими подзаголовками от редакции, которые расшифровывают авторскую метафору. Например, «Вишневая галлюцинация» («Вишневый сад» Владимира Петрова в Воронежском театре драмы), «Ржавый бункер — моя свобода» («Таланты и поклонники» М. Карбаускиса в Маяковке) и др.

Как переводчик П. Руднев открывает отечественному читателю новые имена зарубежной драматургии, например, М. МакДонаха, Д. П. Донливи, М. Равенхилла, М. Панича и многих других, выступая при этом одним из составителей издаваемых сборников.

Среди драматургов, творчество которых рассматривает Руднев, пожалуй, сложно выделить наиболее близкого ему самому. Новая драма из-за своей эпатажности, бросающей вызов современности, получает совершенно противоположные оценки. Однако критик как будто избегает исключительно своей субъективной позиции, стараясь показать в первую очередь многоплановость этого явления. Данную мысль подтверждает высказывание самого Руднева: «Критик же не имеет право на совет, потому что не знает, как сделать. Он имеет право только на анализ». Своего читателя Руднев хочет сблизить с Новой драмой, чтобы показать, что нужно «перестать ждать нового Вампилова», возможно, стоит присмотреться к молодым, пока еще неизвестным именам, прокладывающим свой уникальный путь в литературе и театре. И в этом избегании разговоров о собственных впечатлениях считывается не желание угодить и понравиться всем, а уважение к тем, о ком и для кого он пишет. Читателю/зрителю самому предстоит решать, что перед ним: прошлость и «чернуха» или новый взгляд на современную действительность, который выводит их из зоны комфорта, заставляя задуматься о важных проблемах.

В Новой драме понятие «правильно» сделанной пьесы уходит в прошлое, старые каноны рушатся, но «правильная» театроведческая критика еще жива. В разговоре с журналистом Руднев как-то отметил, что «любое высказывание развивает театр», но если это высказывание развивает еще и читателя, то оно кажется особенно ценным.

В ТРИДЕВЯТОМ ЦАРСТВЕ

ВИДЕТЬ ЧУДО В ПРОСТОМ

(Арзамасова Е. Костик из Солнечного переулка. Истории о самом важном для маленьких взрослых и огромных детей. М.: Издательство АСТ, 2022.)

Дала бы я прочитать эту книгу своему ребенку?

Этот вопрос ставится во главу угла, как только речь заходит о детской литературе. В данном случае — о книге Елизаветы Арзамасовой «Костик из Солнечного переулка». Возможно, для кого-то это окажется неожиданным, но, помимо актерской деятельности и попечительства в фонде «Старость в радость» (с 2016 г.), Е. Арзамасова пишет книги, которые выпускаются в серии «Сказки от звезды» в издательстве АСТ. Пока изданы три книги, которые можно рассматривать как трилогию, ведь заглавный герой в каждой из них — Костик: помимо названной выше, это «Костик и тайна настоящей дружбы. Истории о счастье, доверии и музыке заката» (2022 г.), «Костик и путешествие во времени. Истории про космос, тайные послания и ангела в желтой шляпе» (2023 г.). Последняя книга вышла совсем недавно, поэтому 26 ноября 2023 года на ВДНХ в рамках встречи детско-родительского клуба состоялась творческая встреча автора с читателями «Костика», о ней в своих соцсетях упоминает Елизавета Арзамасова, а 6 декабря в магазине «Библио-Глобус» на Мясницкой состоялась презентация последней выпущенной книги для всех, кто желает окунуться в мир детства.

Так стоит ли давать в руки эти книги подрастающему поколению?

Название, конечно же, у многих ассоциируется с «Незнайкой в Солнечном городе» Н. Носова. Но ничего похожего в самом сборнике мы не увидим. Это история об одиннадцатилетнем мальчике Косте, живущем с папой, мамой и кошкой Мусей на окраине города, в Солнечном переулке. Для героя его переулок — не просто родные места, это целый мир, отделенный от шумной части города, в котором происходят свои, непонятные другим события.

Начинается повествование со знакомства с героем, его улицей и жителями нескольких домов, объединенных общим двором. Это не просто рассказ ребенка о жизни. Даже банальное представление по имени превращается в философское размышление о значении разных форм имени и их зависимости от интонации и цели, с которой зовут Костика: «Вот когда мне бабушка из дома Но За говорит: «Будь здоров, сосед», — мне приятно. Отношение чувствуется. А от «Костика» меня прям подрывает! Тоже сразу — “отношение”».

Книга состоит из восемнадцати рассказов, каждый из которых посвящен определенной теме, достаточно серьезной, чтобы обсудить ее вместе с ребенком. Есть более простые: «Про кошек», «Про друзей», «Про красоту», «Про уважение», «Про Валеру», «Про мужские дела». Однако большая часть посвящена достаточно сложным вопросам: «Про принципы», «Про цели», «Про войну», «Про самое важное», в связи с чем в душах некоторых читателей просыпается бунт. Зачем в таком возрасте говорить о политике, обсуждать с ребенком религию, Бога? На самом деле страхи родителей напрасны. Важные мысли преподносятся прямо, но адаптированы под детское

взрослеющее сознание. Читатель узнает интересные истории из жизни Костика, которые обрастают размышлениями, порой достаточно наивными и смешными (например, когда Костик разбивает чашку и сваливает всю вину на кошку Мусю, герой пугается потому, что, «если бы Муся умела говорить, она бы сказала родителям, что уважать ... [его] не за что»). Вопрос существования Бога осмысливается с точки зрения ребенка: нужно Его лишь попросить, и тогда Он поможет. При этом речь идет не о церковности, не о молитвах, а о простых обращениях. Но в книге даны и такие противоречивые для сознания ребенка ситуации: обращение к Богу не помогает соседу, его увозят в больницу, но зато приводит к тому, что у блогера Ленки появляется сумочка от Шанель. Справедливо ли это? У проблемы в рассказе нет решения, ребенку самому предстоит оценить обе ситуации.

Важно, что центральная тема каждой главы, которую иногда самому юному читателю пока сложно осознать, рассматривается широко, не остается без ответа. Тема религии преподносится так: Костик делится наивными, но понятными каждому ребенку мыслями по этому поводу: Бог отвечает за все в мире, но у него не на все есть время, поэтому возникают такие несправедливости, как игнорирование тех, кому действительно нужна помощь.

Возможно, такая ситуация может занести семя сомнения и в ум читателя-ребенка, поэтому специфика этой книги, на мой взгляд, состоит в том, что ее нужно читать совместно с родителями, обсуждать, делиться своими мыслями.

Также в отзывах звучат замечания насчет того, что слишком «настоящей» показана реальность. Например, в рассказах упоминается алкоголь, появление которого маркирует начало мужских серьезных разговоров «про политику и экономику» и необходимость детей уйти. Но ведь и целью автора не было создать идеальный детский мир, защищенный от вторжения кого бы то ни было. Напротив, книга — это попытка поговорить с ребенком на равных, показать, какой бывает жизнь, сделать так, чтобы ребенок почувствовал духовное родство с Костиком. Ведь и в реальности никто из детей не должен находиться в своем розовом мирке, правда? В жизни возникают и ссоры родителей шепотом за дверью, документальные военные фильмы, встречи с реальными участниками военных событий, первая детская влюбленность, вопрос о том, какого человека уважают в обществе, и уход человека из этого мира.

Каким представлен главный герой? Это настоящий живой характер, неидеальный, лишь познающий мир, правила жизни и истинные ценности. Костик дает себе отчет в том, что он не всегда поступает верно, желая пнуть кошку и следом открыто признаваясь, что не сделал этого не потому, что совестно, а потому, что Муся его бы расцарапала. Он осознает, что далеко не смел и не может назвать себя верным, потому что в его жизни еще не было настоящих друзей, с кем он мог бы раскрыть в себе это качество. Максимальная искренность героя оказывается достаточно неожиданной и полезной для юного читателя, так как задает образец для поведения: нужно принимать все свои мысли и поступки, честно в них признаваться. Одновременно это показывает Костика как нравственного человека, беспокоящегося о спорящих родителях («Нельзя, чтобы они из-за моих вопросов ссорились. Надо учиться какие-то выводы делать самому. Это, наверное, мне был урок»). Он пытается также примирить поспоривших дедушек, мечтает стать дипломатом для того, чтобы не допустить войны, застывает за одноклассницу Олю, терпеливо выслушивает

снова и снова одни и те же истории дедушки.

Хочется вернуться к подзаголовку и обратить особое внимание на то, что эта книга — история «о самом важном для... огромных детей». Родители также могут почерпнуть из сборника важные мысли. Например, рассказ «Про красоту» выстраивает модель взаимоотношений в семье: не стоит сердиться на своего ребенка за проступки, нужно относиться к некоторым вещам со снисхождением. Когда Костик разрисовал стену, потому что его заинтересовало расположение дырок от гвоздей, отец не стал ругаться и со смехом успокаивал маму, понимая тягу Костики к творчеству. У родителей Костики можно многому научиться: терпению, умению поддержать сына в любых начинаниях (например, в приручении живого рака), любви не только к ребенку, но и друг к другу. Очень трогательно изображена сцена возвращения мамы и папы со свидания: папа несет счастливую маму на руках, а Костик, наблюдая за ними из беседки, тут же рисует свою маму на луне. Также родители помогают Костику развивать свои таланты (например, поощряют его страсть к рисованию).

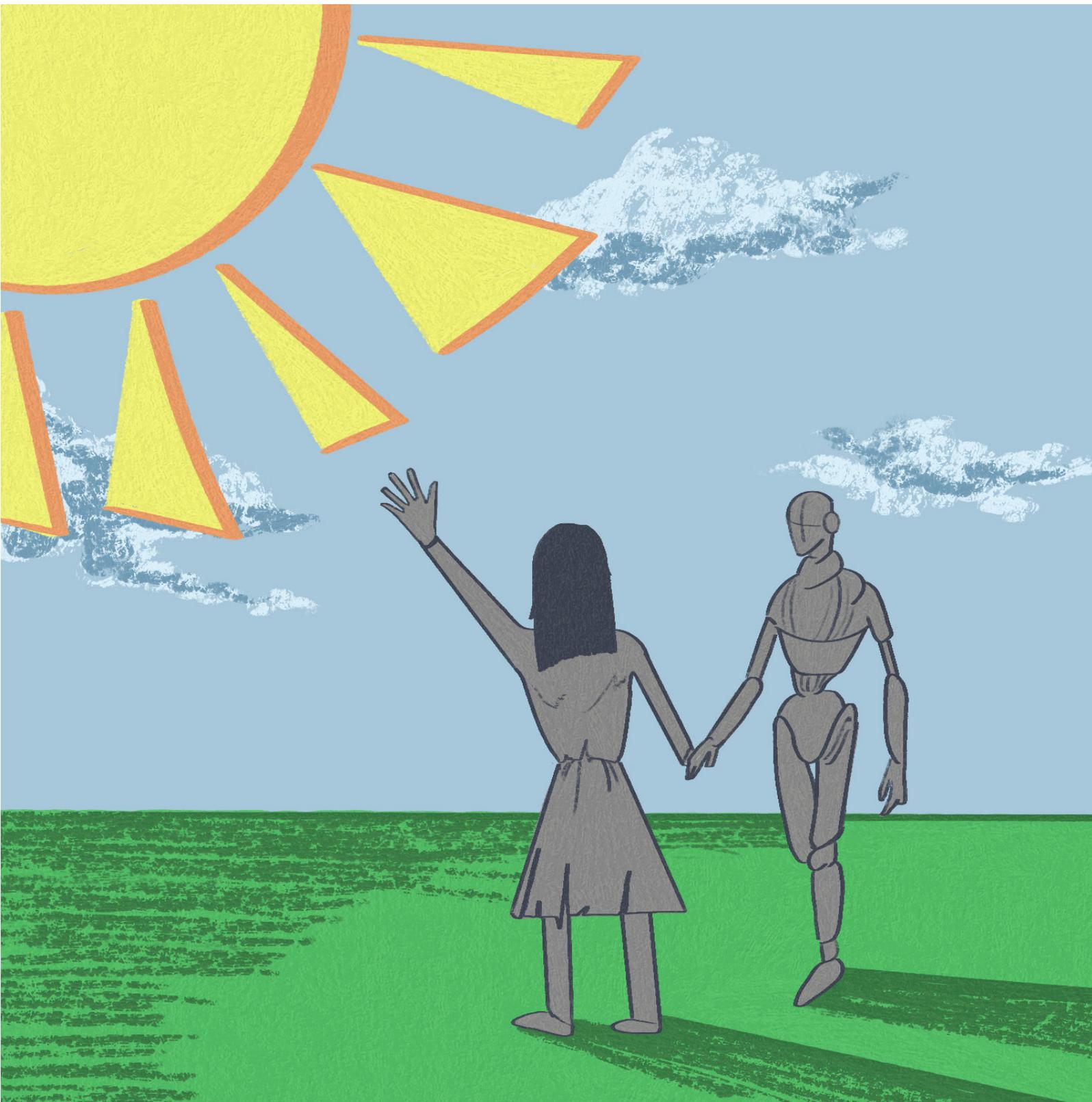
Вся книга пронизана чудом. В каждой главе есть какое-нибудь маленькое открытие: милое, наивное, детское, но серьезное для ребенка. Костик умеет видеть чудо в простых вещах. Для него сосед-дедушка, с которым он нашел общий язык, — чудо, знакомство с девочкой Таней с золотыми волосами — чудо, возможность выплакаться, чтобы «еще лет десять» не плакать, — тоже чудо! Забавляет, что Костик воспринимает некоторые вещи буквально. Услышав, как Ленка говорит, что за сумку от Шанель отдала бы руку, и узнав, что эта сумка у нее появилась, наш герой несется проверять: на месте ли рука? Увидев, что все в порядке, он восклицает: «Ну разве это не чудо?»

Также эта книга дает ребенку возможность прикоснуться к миру искусства, узнать, кто такие авангардисты, Шагал, импрессионисты. Все преподносится ненавязчиво и в игровой форме. Нет, конкретной информации вы здесь не найдете, но уж точно обеспечите ребенку желание найти в интернете ответы на любые возникающие вопросы.

Кульминацией книги становится финал — это самый счастливый момент, самый трогательный, настраивающий читателей на веру в прекрасное будущее (последняя глава так и называется — «Про будущее»). А вот что там произошло — оставим в секрете =) Прочитайте сами.

Так почему же в душу закрадываются сомнения, стоит ли давать такую книгу ребенку? Далеко не потому, что темы слишком серьезные, не потому, что жизнь описана неидеальной. Вероятно, дело в стиле повествования. Нет, никаких ляпов здесь мы не встретим. Голос автора аккуратно проникает в голос одиннадцатилетнего героя. Можно представить, что это дневник взрослеющего человека, пытающегося познать жизнь самостоятельно, в сложных случаях — обращающегося к умам старших, а иногда и оставляющего поиск ответа на будущее, признавая, что пока нельзя делать выводы из-за отсутствия опыта. Возможно, стиль письма несовершенен, но это одна из первых книг Елизаветы Арзамасовой, и мы очень надеемся, что писательское дело она не оставит и продолжит радовать как «маленьких взрослых», так и «огромных детей».

Елизавета Арзамасова не вводит сложные философские проблемы, которые постичь одиннадцатилетнему читателю или читательнице будет сложно. Скорее, эта книга — способ напомнить об истинных ценностях, таких, как семья, мир, честность, достоинство и уважение.

В ПОИСКАХ ЧЕЛОВЕКА: СКАЗКА ОТ ЛАУРЕАТА НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

(Кадзуо Исигуро. Клара и Солнце. М.: Inspiria, 2021.)

Трудно удивить искушенного читателя. И еще труднее, если тема уже обыгрывалась в других произведениях слишком много раз, как вампиры, оборотни, пришельцы, роботы. Однако дело не в том, какую тему берёт автор и какие существа бегают на страницах его романа, а в том, кто держит перо и как именно он раскрывает тему. Мастер, безусловно, всегда может превратить что-то обычное в нечто уникальное.

Кадзуо Исигуро, лауреат Нобелевской премии, на мой взгляд, является именно таким мастером. Британский писатель японского происхождения завоевал сердца многих читателей по всему миру своими удивительными романами: «Не отпускай меня», «Погребенный великан», «Остаток дня», «Художник зыбкого мира» и др.

Исигуро никогда не идет по протоптанной дорожке, а постоянно экспериментирует, и его последний на данный момент эксперимент, роман «Клара и Солнце», вышедший в 2021 году, безусловно, является удачным.

История, по словам самого автора, очень проста: «В “Кларе и Солнце” я написал простой рассказ о матери, которая боится, что ее дочь больна и может умереть, и задается вопросом: насколько незаменима её дочь? Можно ли сохранить все, что делает ее уникальной? Что будет с любовью, если поменяется то понимание уникальности личности, которого мы придерживались столетиями?». Не исключаю вероятность, что ряд читателей, которым не пришлось по душе тяжелые романы о смерти, уже мысленно поставили на книге пометку «Осторожно! Слишком много “стекла”! Пожалуйста, не открывайте эту книгу, если не желаете разбить себе сердце!». Думаю, ваше воображение уже нарисовало яркие картины душераздирающих сцен: умирающая девочка, плачущая мать, умоляющая доктора сделать хоть что-нибудь, депрессия матери и ее размышления о смерти, которые непременно заставят вас всплакнуть. Однако эта простая, всем знакомая история (современные писатели и режиссеры действительно грешат тем, что слишком часто изображают смертельно больных детей) получила весьма неожиданное оформление, а сам роман вовсе не о смерти. Даже не знаю, разочарую вас или обрадую, если скажу, что все далеко не так, как вы могли себе представить. Потому что взгляд матери — всего лишь один из возможных взглядов на эту историю. И тот персонаж, чьими глазами мы чаще смотрим на мир, максимально объективен. Никаких душевных терзаний, никаких страстей и размышлений о несправедливости этого мира. И знаете почему? Потому что мы смотрим на мир глазами робота.

Добро пожаловать в новый мир, в котором каждый страдающий от одиночества подросток мечтает получить ИП или ИД (идеальная подруга/идеальный друг). Подобные роботы далеко не всё знают об окружающем мире, но они открыты новому и готовы учиться, познавать не только мир за пределами витрины магазина, но и глубины человеческой души. Быть лучшим другом —

основная задача робота. И чем быстрее он научится считывать человеческие эмоции, тем качественнее робот сможет выполнить свою работу.

Однако некоторые роботы могут быть пугающе идеальны и совершенны. Одно дело — симитировать голос своего подростка, его походку, жесты и мимику, и совершенно другое — стать им, расшифровать его, как сложный код. Напрашивается вопрос, кто же мы: такие же запрограммированные роботы с определенным набором реакций и особенностями мышления, которые в конечном счете можно постичь? Или же каждый человек уникален, сложен и непостижим, подобно нескончаемому лабиринту, где за каждым поворотом нас ожидает ещё с десятков коридоров, а за каждой дверью — ещё одна дверь?

Тема одиночества заявлена уже в самом начале романа, однако ответ на вопрос, почему подросток так сильно нуждается в ИП/ИД, читатель получает гораздо позже. Как и в своем самом известном романе «Не отпускай меня», Исигуро не сразу позволяет нам взглянуть на картину целиком, постепенно приподнимая полотно и демонстрируя лишь небольшие фрагменты.

В мире, в котором людям приходится соперничать с роботами за рабочие места, единственным вариантом остается если не стать умнее роботов, то хотя бы не отставать от них. Подобного результата возможно достичь с помощью «генного редактирования», однако, несмотря на очевидные преимущества, которые может получить человек, есть и обратная сторона медали. Каждый ребенок, подвергшийся подобной операции, становится участником лотереи, выигрышем в которой является не столько билет в хорошую жизнь, сколько сама жизнь.

Всем форсированным детям нужна своя ИП, потому что некоторые из них едва ли способны выйти за порог собственного дома. Дети, постоянно находящиеся между жизнью и смертью, лишены простых радостей: пробежаться босиком по траве, поиграть с друзьями в салки или отправиться в пеший поход. Владелицей Клары оказывается четырнадцатилетняя Джози, которая также столкнулась с последствиями операции и очень нуждается в ИП.

Наивность Клары, ее объективность делает жуткую по своей сути историю чуть менее мрачной. С одной стороны, Клара непосредственно является частью происходящего, а ее поступки влияют на сюжет. С другой стороны, Клара находится как бы и вне истории как раз из-за того, что она не является человеком и не может испытывать всю глубину человеческих чувств, поэтому она, анализируя чужие поступки и эмоции, не пропускает это через себя, не высказывает свое мнение. Клара не может сопереживать другим, не может почувствовать ту боль, какую испытывает мать, глядя на своего умирающего ребенка и другого здорового ребенка, который не прошел форсирование. Именно из-за отсутствия рефлексии и эмоциональной отдаленности от других героев, на мой взгляд, история и не кажется настолько темной, мрачной.

Если герои романа «Не отпускай меня» хоть и были не совсем обычными, но все-таки людьми, то Клара вовсе не является таковой. Исигуро не дает читателю надежду, всегда подчеркивая ее эмоциональную ограниченность. Клара — это просто большая (и очень дорогая) игрушка. И живет она не в мире мультфильма «История игрушек», в котором куклы, несмотря на свою сущность, способны испытывать настоящие человеческие эмоции, а в мире Исигуро, где робот — это просто кукла, выполняющая свою работу. Ее задача — поддерживать, заботиться и оберегать. Очень хочется написать «любить», но это слишком глубокое чувство. Клара, как бы сильно мы,

читатели, не хотели иного, вовсе не способна любить. Когда она пытается спасти девочку от смерти, она делает это вовсе не из чувства любви, а из чувства долга, потому что сам факт вероятной смерти девочки вовсе не пугает Клару. Она с легкостью принимает это, показывая типичное для робота равнодушие, и даже поддерживает план матери девочки, от которого читатель приходит в ужас. Словом, Клара — это просто запрограммированная игрушка, бросающая фразы «мне грустно» или «мне жаль» и имитирующая человеческие эмоции, которых на самом деле не может испытывать.

Изначально Исигуро планировал написать историю для детей, но позже отказался от этой идеи, хотя элементы детской сказки все же присутствуют в романе. Да и сам сюжет очень напоминает сказку, только вот из-за проблем, которые поднимает автор, это сказка вовсе не для детей. Сюжет довольно прост: волшебная кукла попадает в дом умирающей девочки и всеми силами старается помочь. Но у кого может попросить помощи робот? В конце концов, это реальный мир, в котором нет волшебной палочки или золотой рыбки, готовой исполнить три любых желания. К кому обращаются люди, если врачи уже не могут помочь? Правильно, к Богу.

Вот только у Клары особый бог. С детской наивностью она верит, что Солнце живет в старом сарае и может исцелить любого человека от страшной болезни, одарив его своими особыми лучами. Звучит парадоксально, не так ли? Но для Клары, робота, который работает на солнечных батареях, все звучит вполне логично: Солнце подарило ей жизнь, значит, может подарить жизнь и человеку.

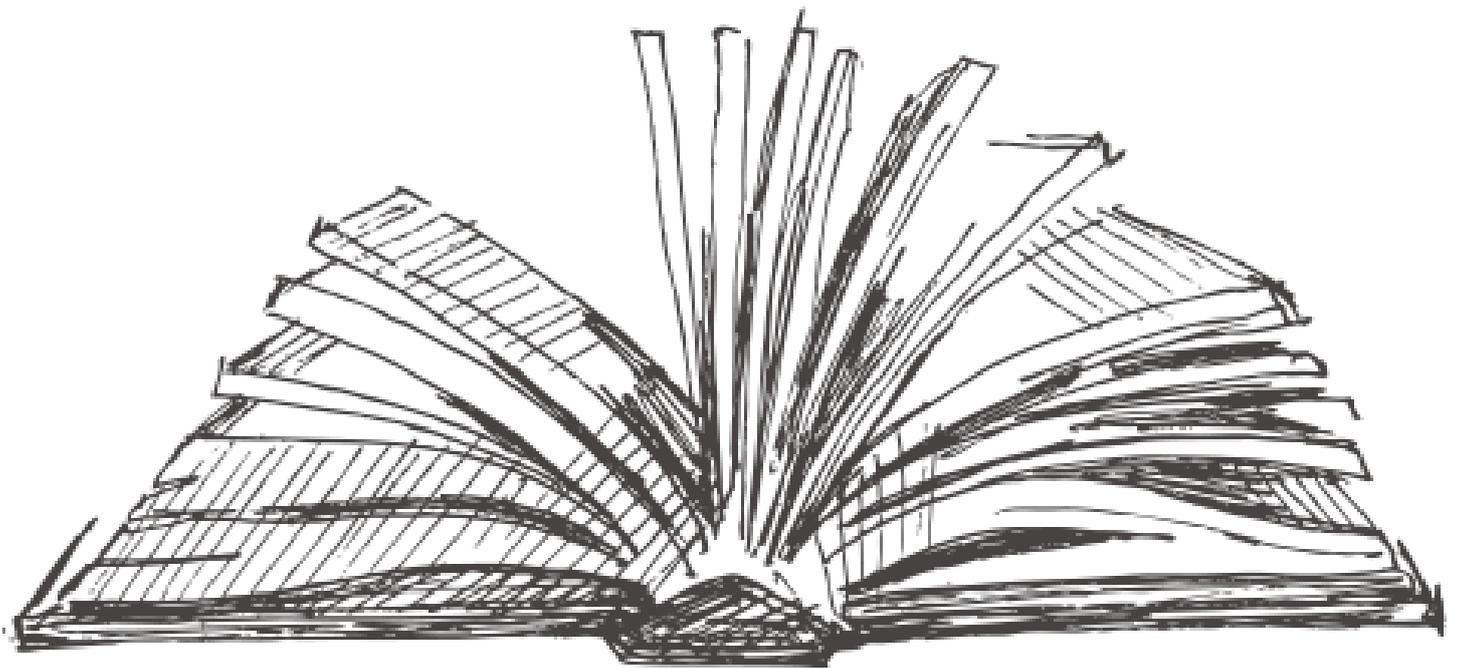
Эта красивая сказка вовсе не предназначена для легкого чтения, потому что в этой истории то и дело проскальзывают отнюдь не сказочные проблемы, связанные с загрязнением окружающей среды, ответственностью за свой выбор, искусственным интеллектом. Но даже это кажется не таким важным, как вопрос, который не дает героям покоя: есть ли в нас что-то уникальное? Что-то, что невозможно постичь и скопировать? И страшно не то, что они вообще задумываются об этом, а то, что никто из них не может ответить положительно: «Нет ничего там. Нет ничего внутри Джози такого, чего не могли бы продолжить Клары нашего мира. <...> Вам не вера нужна. Только рациональность», «... подозреваю, что он, возможно, прав. Что его утверждения верны. Что наука это уже доказала и сомнений быть не может: нет в моей дочери ничего уникального, такого, чего нашими современными средствами нельзя извлечь, скопировать, передать».

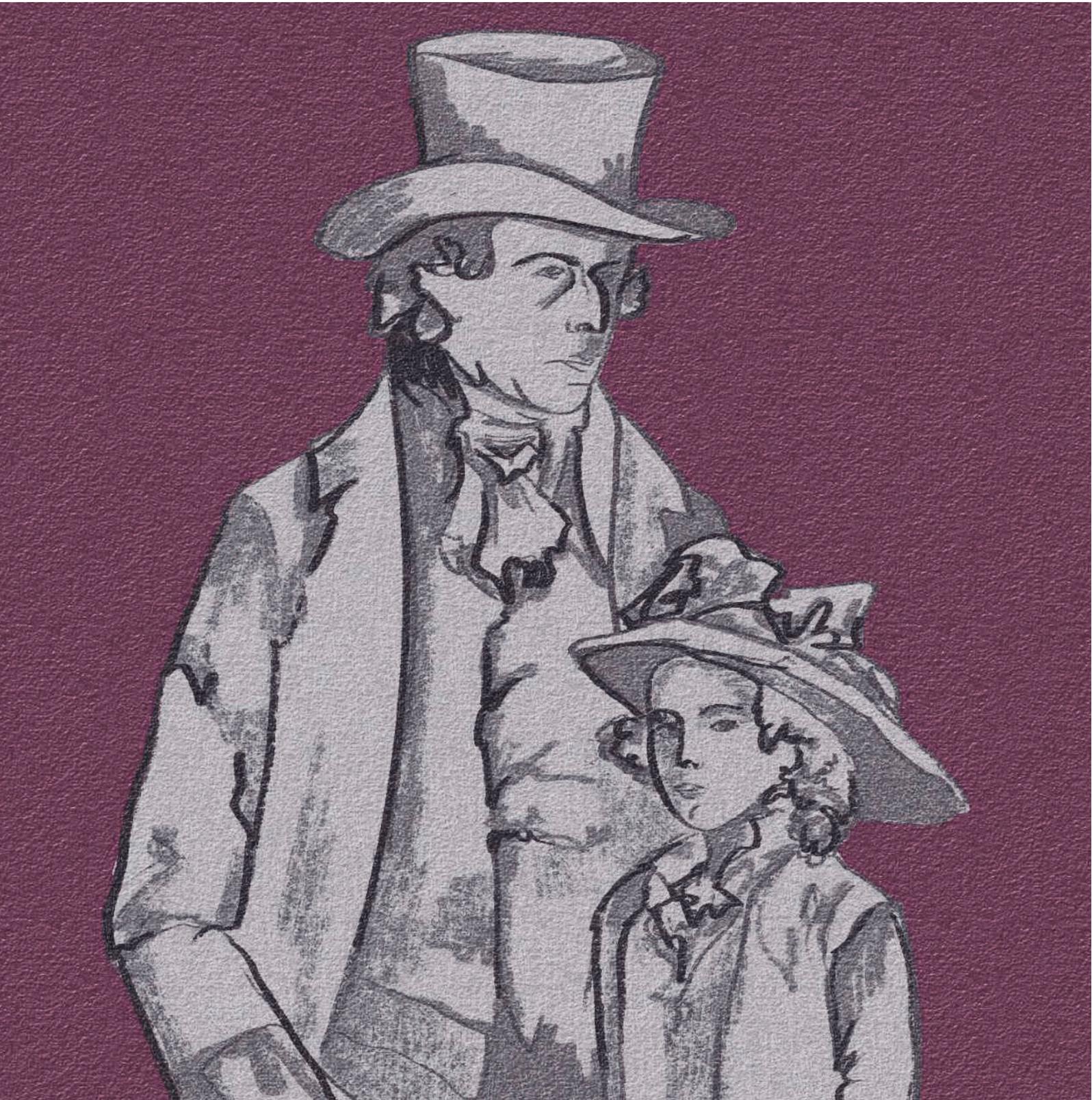
Мир в романе Исигуро все такой же зыбкий, а запутавшиеся персонажи уже ни во что не верят: ни в Бога, ни в чудо, ни в собственную уникальность. Герои так и не находят ответ на этот сложный вопрос, но зато его находит одинокий угасающий робот: «... как бы я ни старалась, все равно, мне думается сейчас, оставалось бы что-то для меня недоступное. <...> Я бы никогда не дотянулась до того, что они чувствовали к Джози в своих сердцах», «... искал, искал и ничего такого не нашел. Но я сейчас думаю, что он искал не там, где надо. Было что-то совсем особенное, но не внутри Джози. Оно было внутри тех, кто любил ее».

Вы можете верить или не верить. Вы можете найти другой ответ на этот вопрос или не найти его вовсе. Вы можете не согласиться со мной и начать спорить, но в этом нет необходимости. Романы Исигуро — это всегда о чем-то глубоко личном и хрупком, едва уловимом. И то, что найдет в его романах один, не всегда отыщет другой, но в этом и есть вся прелесть его прозы. Лично

меня зацепили слова Клары о людях. Мы — это не только то, что мы чувствуем, мы — это еще и то, что другие чувствуют к нам.

Возможно, «Клара и Солнце» — это совсем не то, что ожидали читатели и поклонники творчества автора. Но Исигуро умеет удивлять. «Клара и Солнце» — это далеко не самая простая, но все-таки сказка: о вере, о чуде, о надежде. Сказка, призывающая нас не сдаваться. Нам всем нужно во что-то верить, даже если верить (не именно в Бога, а вообще) очень тяжело.

Рия Хизриева

НЕБЫЛИЦА МАЧЕХИ

(Иконникова Ольга. Я (не) ваша мама. [Электронный ресурс]. URL: <https://litnet.com/ru/book/ya-ne-vasha-mama-b371737>)

В 2019 году корейский автор Нянъи ва Хянсиннё издает новеллу «Небылица мачехи», в которой рассказывает об истории маркизы Нойванштайн, вынужденной после смерти своего мужа не только принять на себя управление обширными владениями семьи, но и взять на попечение четырех детей покойного маркиза. Юная и неопытная, несмотря на критику общества и неприязнь самих детей, она всеми силами старалась исполнить последнюю волю мужа.

Не лишённая типично азиатского хардкора история, изначально казавшаяся наивной и трогательной, так и пестрела кровавыми сценами, политическими интригами и психологическими проблемами самих героев. Книга быстро обрела популярность, и ее перерисовка непосредственно в манхву (корейский комикс) и перевод на многие языки мира стали вопросом времени. То, что определенно удалось сделать автору, так это задать «тренд» на подобного рода истории.

На межнациональную литературную арену выходят произведения про матерей, воспитывающих неродных детей. Российские авторы также не остаются в стороне, и в период с 10 ноября 2021 года по 14 мая 2022 на известный сетевой ресурс Litnet выкладывается роман Ольги Иконниковой «Я (не) ваша мама».

К сожалению, одна из главных проблем сетевых писателей — отсутствие как такового образа автора: некоторые и вовсе могут публиковаться под псевдонимами, оригинальности которых позабывала бы даже древняя социальная сеть «Одноклассники». Узнать о личности Иконниковой мало что возможно, однако во вкладке «Обо мне» автор с большим энтузиазмом рассказала о своих любимых произведениях: «Гордость и предубеждение» Джейн Остин, «Повесть о Ходже Насреддине» Леонида Соловьева, «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого, «Братья и сестры» Федора Абрамова, «Война и мир» Льва Толстого, «Двадцать лет спустя» Александра Дюма. В целом с литературными пристрастиями автора все оказалось в полном порядке. Что особенно радует, так это почти десять тысяч подписчиков, сошедшихся во мнении о продуктах труда Иконниковой.

На странице профиля дана краткая аннотация к книге: «Я вышла за лорда Карлайла, когда мне едва исполнилось восемнадцать. Девочка из бедной и не слишком знатной семьи и один из самых блестящих аристократов Эрландии. Нужно ли говорить, что его родные меня не приняли? И как я ни пыталась подружиться с его детьми от первого брака, у меня ничего не получилось.

А сейчас мы остались с ними одни — лорд Карлайл скончался, оставив нам в наследство старую усадьбу, конный завод и кучу долгов. И чтобы выжить, нам придется объединиться. Ведь только вместе мы сможем вырастить лошадь, которая сумеет победить в Больших Анзорских скачках. Скачках, где главный приз вручается братом короля!».

Как видно из краткого описания, главная героиня произведения — Рэйчел Карлайл, не любимая падчерицей и пасынком, оказавшаяся в разгромленном имении и на грани нищеты. Покойный

муж оставил небольшое наследство, а дети, всем сердцем ненавидящие молодую мачеху, ожидают родственников, которым она их должна «передать» как опекунам. Но все вышло не так, как хотелось, поскольку впоследствии «добрые» дядюшка с тетей показали себя не с самой лучшей стороны: приняли решение отправить Шарлотту с Нэйтаном в пансион. Мачехе с детьми пришлось объединиться из-за решения дяди продать конский завод соседнему барону. Рэйчел согласилась на опеку исключительно из жалости к маленькому Нэйтану, ведь общая проблема, как известно, объединяет. Чтобы окончательно не лишиться даже остатков наследства, героиня подает заявку на участие на больших Анзорских скачках, тренируя своего жокея и выдвигая в качестве скакуна гордость карлайлского имения. Впоследствии Рэйчел сама решается сесть на коня и пробежать скачки, тем самым читатель получает одну из сильнейших сцен в произведении: «Когда серебристая шпора оказалась совсем рядом, я дернула ногой, не давая острым краям звезды коснуться моей лошади. Понадеялась, что кожа сапога выдержит. Но она не выдержала, и от резкой боли у меня помутилось в голове. Я вскрикнула, и тут же над трибуной пронесся голос Шарлотты: — Осторожней, ... мама!».

В книге кольцевая композиция: скачки в начале демонстрируют чувства героини к детям, проявившиеся с самого начала, а дальнейшее повествование покажет динамику развития этих чувств и объяснит участие женщины в, казалось бы, мужском виде спорта.

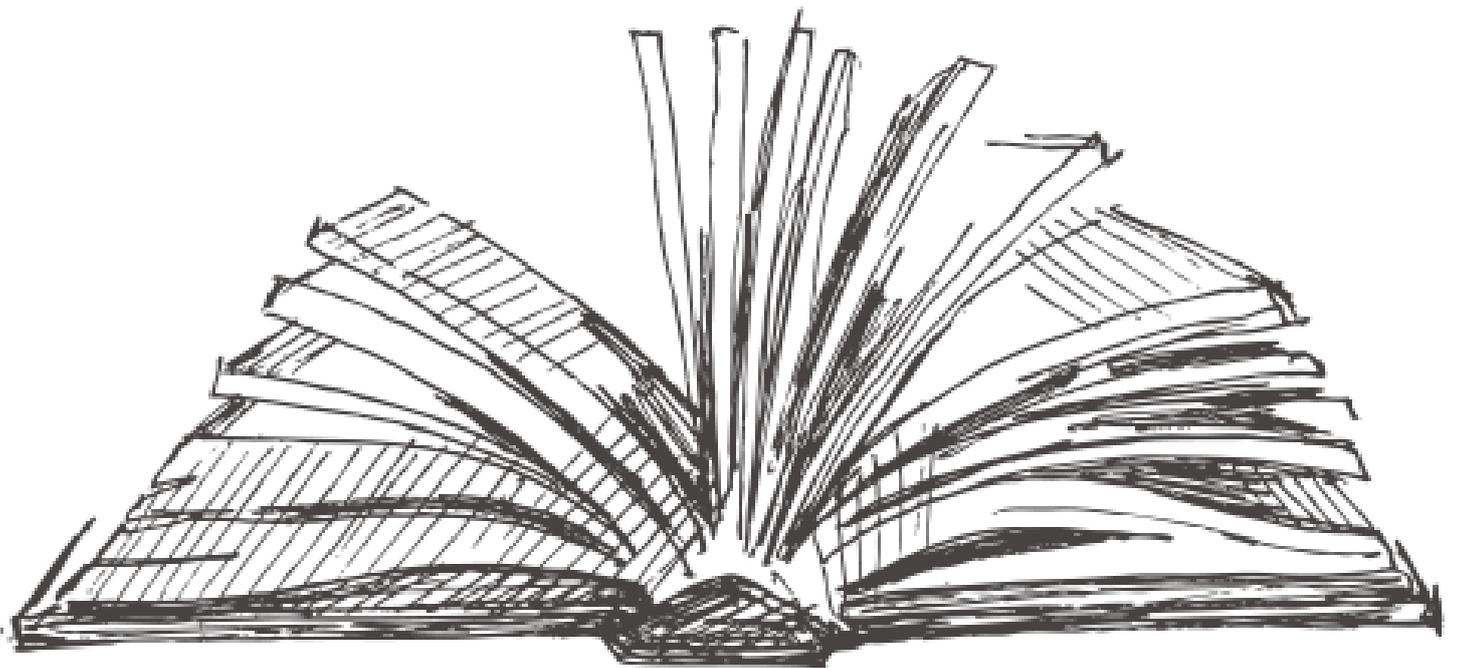
Сама по себе сюжетная арка взаимоотношений Рэйчел и Шарлотты — центральная, даже продажа конезавода отходит на второй план. И повествование строится в первую очередь на противопоставлении двух миров: мира Шарлотты, исключительно аристократичного и заносчивого, и мира Рэйчел, приближенной к простому народу и природе. Удивительно, что любовь леди Карлайл, несмотря на все ее попытки скрыть свою привязанность, проявляется в таких мелочах, как привычка включать светильник на ночь, потому что Шарлотта боится темноты, неосознанное желание обнять Нэйтана, когда тот плачет, и решение оставить конезавод, потому что он дорог детям, как память об отце. А мнение Шарлотты о мачехе меняется в тот момент, когда Рэйчел продает все свои украшения, чтобы сшить падчерице роскошное платье для бала. Интересно наблюдать за тем, как поначалу неуверенный в себе, капризный и колючий подросток смягчается, меняется его отношение к окружающим. А фраза «Осторожней, мама», произнесенная падчерицей, мотивирует Рэйчел на победу в соревновании:

«Мама??? Она впервые назвала меня так, и я сначала подумала, что ослышалась. А потом почувствовала такой восторг, что готова была свернуть горы».

Несмотря на напряженную сцену, история сама по себе камерная и милая. Большая часть действия происходит в поместье Карлайлов, а враги здесь изображены несерьезными и отчасти карикатурными, но это только на пользу сюжету и не омрачает картины.

Стоит отметить, что главная героиня незлопамятна и не ранима, плюс обладает педагогическими способностями Макаренко: не каждый смог бы даже после примирения забыть о всех сказанных ему обидных словах, особенно зная, что люди, их произнесшие, негибки, упрямы, занудны и обладают подростковыми комплексами. Она смогла вытерпеть все это, чтобы в конце произнести одну из главных фраз в произведении: «Я усмехнулась. Довольно церемоний. Только вперед! Я должна получить этот кубок. И ради себя, и ради детей. Моих детей», — это дорогого стоит.

Как и в «Небылице мачехи», отдав родственникам власть над детьми, героиня продемонстрировала, что не всегда кровное родство все решает, а человек, на первый взгляд казавшийся врагом, порой оказывается преданнее близких. Так и здесь, позволив дяде с тетей воспитывать детей, Рэйчел показала Шарлотте и Нэйтану, кто их на самом деле любит, а кто хочет использовать. Но несмотря на все хитросплетения сюжета, в первую очередь книга о взрослении (моральном и физическом), о семейных ценностях, о понимании между людьми. История оставляет после себя приятное «послевкусие» и вызывает улыбку. Ее можно читать и взрослым, и детям, потому что она позволяет посмотреть на ситуацию в целом не только с одного ракурса, но и через призму восприятия родителя, увидеть новые грани ситуации и, наконец, пересмотреть свое поведение, разобравшись в причинах поступков людей.

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Влад Бойко

БОЛЕВОЙ ПОРОГ

Снова и снова наш мир потрясают войны. Где-то о них читают в сводках газет, узнают из новостных репортажей. Для многих обывателей благополучных, а может, и не только благополучных стран война словно развлечение. Некоторым гражданам интересно посмотреть видео о том, как бомбят города, как крутые «рэмбо» побеждают террористов или исполняют свой воинский долг на непонятной и не нужной простому человеку войне. Они болеют за ту или иную сторону конфликта, делают прогнозы той или иной военной операции, сидя на своих диванах, призывают к борьбе за какую-то нацию, за интересы конкретных лиц. Но есть люди, которые знают войну не по газетам или кино, а по собственному жизненному опыту. Они понимают, что война — это не что-то романтическое, а нечто ужасное. Эти люди живут среди нас. Неприметные, обычные мужчины или даже парнишки, о наличии боевого опыта у которых сразу и не догадаешься. Их опыт, переживания и боль не всем понятны, но им тоже нужно высказываться, делиться наболевшим и пережитым, говорить о том ужасе, который они видели своими глазами. Так начал свою деятельность журнал современной военной прозы «Болевой порог».

Олег Палежин, основатель и главный редактор журнала, автор книги «Болевой порог», расска-

зал радиостанции «Серебряный Дождь» о том, как он пришел к литературному творчеству, изданию книг ветеранов боевых действий. Палежин решил написать рассказ «Тридцать метров». Писатель поделился наработками со своими боевыми друзьями. Рассказ им понравился. В 2016 году будущему редактору позвонил его сослуживец Александр Скачков и предложил написать «большую работу». Так был дан старт созданию повести «Болевой порог» и одноименного журнала.

Повесть автобиографична и посвящена простым ребятам из деревень и городов России, которые оказались на чеченской войне. Книга рассказывает об армии конца 90-х, о войне, ненависти и злости, неоправданной жестокости. В центре событий подразделение мотострелковых войск, которое выполняет определенные задачи на территории мятежной республики. Автор утверждает, что повесть основана на реальных событиях, имена многих героев реальны. Писатель уверен в том, что его талант смог бы проявить себя и в другом литературном направле-

нии, но именно чеченская война дала эмоциональный толчок для начала литературного творчества, она же дала и необходимый материал из самой жизни. В повести двенадцать главных героев. Каждую написанную главу Олег Палежин согласовывал со своими боевыми товарищами, которые помогали вносить корректировки. По словам автора, некоторых ветеранов было сложно разговаривать, но как только они узнавали о том, что автор собирает материал для книги, рассказывали все, что им пришлось пережить на этой войне.

Олег Палежин подчеркнул, что пишет книгу для того, чтобы в первую очередь высказаться, «ответить на вопросы о том, что мы делали». Для него литературное творчество — неплохая психологическая разрядка. Писателю было важно, чтобы автобиографичная история, которую он напишет, была интересна людям, и они могли бы увидеть войну глазами ее реального участника и прочувствовать ее. Отметим, что такую же задачу

ставили перед собой и другие современные авторы ветеранской прозы: Андрей Брэм, Анатолий Давыдчик, Константин Тимофеев, Станислав Штинов и другие. Брэм даже начинал писать сборник рассказов «Блокпост – 47Д» по тем же причинам, что были и у Олега Палежина. Его книга тоже увидела свет благодаря просьбе знакомых бойцов написать «большую работу». Всех перечисленных писателей объединила война. Каждый из них прочувствовал на себе ее ужасы, пережил трудное для страны время и столкнулся с предательством. Им есть о чем рассказать, они знают, на какие проблемы нужно обратить внимание, какие вопросы следует задать, какие типы героев войны изобразить. У кого-то из авторов это получается хорошо, у кого-то хуже. Но все их книги достойны внимания.

По просьбе друзей и сослуживцев Олег Палежин стал выкладывать в патриотические группы, объединения ветеранов в социальных сетях отрывки из своей книги. Через какое-то время произведение было напечатано. Писатель рассказывает, что они с товарищами думали о том, что кроме них никто эту книгу читать не будет. Но книга имела большой коммерческий успех. Ее поддержали такие легендарные журналы, как «Солдат удачи», «Братишка» (журнал спецподразделений), сообщество «Ветераны войны». Выкладывая отрывки своей книги в социальных сетях и общаясь с пользователями в сообществах ветеранов, Олег Палежин познакомился с Константином Мосалевым.

Константин Мосалев вошел в историю первой чеченской войны как один из наиболее известных бойцов российской армии. Константин еще более прославился на всю страну, когда в 1997-м году стал прототипом «Кости Питерского» — бойца ГРУ из нашумевшей военной драмы скандального журналиста и режиссера Александра Невзорова «Чистилище». Невзоров случайно повстречал Костю во время съемок одного из репортажей о чеченской войне. И затем решил ис-

пользовать яркий образ этого солдата для своей ленты о провальном для федералов новогоднем штурме Грозного в 1994-1995-х годах. В реальности Костя не воевал в спецназе ГРУ. Он поначалу служил в танковых войсках. В Чечне состоял в рядах так называемой «Бешеной роты» (166-й МСБр), в одном из самых боеспособных подразделений РФ, в 1994–1996-м годах. С завершением второй чеченской войны Костя попал в трудную жизненную ситуацию. В родном Питере на него напали пятеро грабителей. Мосалев нападавших не пожалел, за что и попал на несколько лет в места не столь отдаленные.

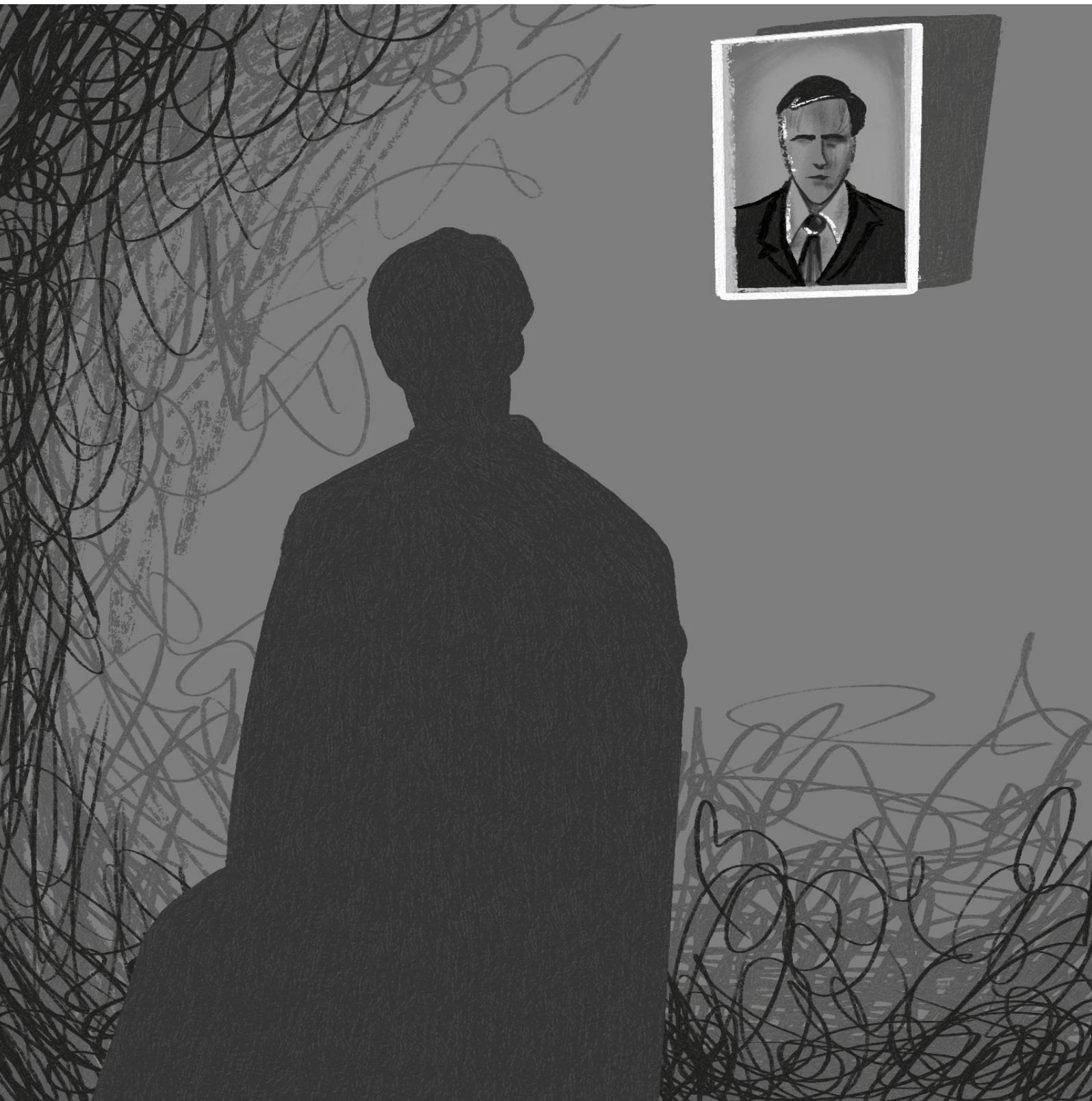
Позднее Олег Палежин и Константин Мосалев созвонились. Предметом их разговора была не война, а литература. Они обсуждали любимые книги. Константин написал свою книгу «Памятник бешеной пехоте», которая существовала в электронном виде и распространялась в интернете. Олег рассказал в интервью радиостанции «Серебряный Дождь» о том, что эта книга ему очень понравилась. Более того, ему показалось, что она лучше его собственной повести «Болевой порог». Писатель считает, что Константин писал простым языком, а мат в книге находится лишь в тех местах, где он необходим. Нецензурную лексику Олег оправдывает тем, что война — очень эмоциональное и тяжелое событие в жизни человека. Писатель считает, что издание, которое существует исключительно в электронном виде — не книга. Настоящая книга должна быть напечатана. Он предложил за свои деньги издать «Памятник бешеной пехоте» Константину. Тот согласился, и книга была напечатана, тираж быстро разошелся, и все вложенные в работу деньги окупались.

После печати книги Константина Мосалева были изданы некоторые произведения других ветеранов войны, которые тоже были успешно распроданы и имели успех у читателей. Это натолкнуло Олега Палежина на мысль о создании литературного журнала военной прозы. Так на свет появился журнал «Болевой порог», а Олег Палежин стал его главным редактором.

Сегодня журнал издает современную ветеранскую прозу, над которой работает целая команда — филологи, дизайнеры, корректоры. Олег Палежин самостоятельно оценивает «самую читабельность» издания. По его мнению, современная ветеранская проза автобиографична. От того, насколько интересна автобиография человека, как хорошо она написана и что в ней сказано, зависит успех произведения. Ветераны, которые пробуют себя в роли писателя, которым есть о чем рассказать, могут присылать свои произведения на почту журнала. Главные критерии для того, чтобы пройти отбор и быть напечатанным, просты: автору необходимо быть ветераном боевых действий, его текст должен быть написан простым, обычным языком. Редакция журнала ставит перед собой задачу помочь начинающим авторам-ветеранам писать книги, найти своих читателей, высказаться, поделиться своим опытом, переживаниями, судьбой в художественной форме.

Со слов главного редактора журнала, их книги читают как подростки в старших классах школы, участники патриотических организаций, так и ректоры некоторых ВУЗов. Читатели присылают свои фотографии с изданными журналом книгами. Олег Палежин отметил в интервью радиостанции «Серебряный Дождь», что основная задача ветеранской прозы — показать историю войны от первого лица, чтобы читатель смог ее понять, а также попробовал ощутить то, что переживает солдат в зоне боевых действий.

ВОКРУГ ДА ОКОЛО

Никита Окутин

**УЖАС БЕЗ КОНЦА ИЛИ КОНЕЦ БЕЗ УЖАСА:
ФИЛЬМ «ПРИКОСНОВЕНИЕ», 1992 (РЕЖ. АЛЬБЕРТ МКРТЧЯН)**

Бледный холод пустых больничных коридоров. Некогда уютная, отныне — тягостная, склизкая, как-то неприятно давящая обстановка советских квартир с их узкими коридорами, скрипучими дверьми, хлопающими окнами. Беспokoйный вой собаки, кажется, видящей куда больше, нежели люди, чьи физические данные по меркам животного мира представляют собой весьма жалкое зрелище. Кладбище посреди леса, вдоль которого тянется железная дорога. Некогда — символ индустриализации и торжества человеческого владычества над природой, ныне — безразличный стук, сухие переговоры в железнодорожных рупорах, дающие голос потустороннему. Все это — в обрамлении мутной синей пелены явно неоднократно переписанной VHS пленки (смотреть реставрацию лично я бы не рекомендовал). Квинтэссенция времени как она есть — девяносто второй год.

Конец Союза — и начало кошмара внушительной части населения страны. Наиболее адекватное его выражение — в фильме ужасов. Отношения отечественного кинопрома с жанром хоррора на протяжении семидесяти лет правления компартии складывались не лучшим образом — по известным причинам. Идеологического, значит, толка — негоже советским людям забивать голову потусторонней мутью. Какая такая чертовщина? Разве что в экранизациях золотой классики: «Вий», «Аленький цветочек», так уж и быть — кушайте. Ужас где-то там, далеко — в глуши дореволюционной России, в древних сказочных временах. Там — можно, смотрите, экспериментируйте, наслаждайтесь, смакуйте. А вот в Страну Советов не несите, у нас законы диамата — и точка.

В девяностые, ожидаемо, прорвало. «Ночлег. Пятница» (1991), «Семья вурдалаков» (1990), «Змеиный источник» (1997), «Упырь» (1997) — ужас вплетен в окружающую действительность. Тревога, страх, всепоглощающий мрак — уже здесь, вот прямо там, за углом в родной советской квартире. И бежать-то некуда. Дух времени — распишитесь.

Следователь столичной милиции Андрей Крутицкий живет, в общем-то, легко — ведомство, надо думать, еще не успело вышвырнуть на мороз. Колесит на личном авто, веселится с друзьями, лобзается с любимым псом — свободен от забот. К порученному делу относится легко, с юмором, хоть и душок от него исходит тяжелый — мать душит сына в кровати и вскрывает себе вены. Следом за ней отправляется ее любовник, оставив записку: «Никого не виню, ухожу в мир иной». Смешного, скажем прямо, мало. Но не для Крутицкого: «Ну, а что? Указал направление — сами бы не догадались», — и улыбается так легонько. Будем думать — профессиональный цинизм, чтобы самому в петлю не залезть.

А влюбляется уже серьезно — быстро и крепко, намертво. В сестру матери-самоубийцы Мари-ну, которую вынужден допрашивать в связи с порученным делом. Молодая, красивая, лучезарно улыбается — но то и дело тускнеет, мрачнеет, края губ опускаются, лицо принимает готически

потерянное выражение. Сомнений в причине суицидов не имеет — к членам ее семьи повадился приходить отец, Николай Ильич Мальцев, погибший еще в 1980-м году. Погиб-то смертью праведной, геройской — во время аварии на заводе закрыл собой протекшую кислоту. Дотеки она до соседнего цеха с щелочью — «весь район бы похоронили». Ну не Матросов ли? Святой человек — такому только памятники чугунные на вокзалах ставить.

А теперь, вместо вечного блаженства в райских кущах — приходит к родным дочерям и уговаривает уйти к нему в мир иной. Одну уговорил, вторая еще держится.

Но Крутицкого так просто не пробьешь — научный атеизм не прогуливал, в чертовщину решительно не верит. Объясняет все материалистически — дескать, самовнушение. Орудует банда мошенников и аферистов, подсылает экстрасенсов, гипнотизируют. Мотивы неясны — возможно, жильё. Квартирный вопрос всех испортил.

Скептически предлагает «познакомиться с отцом» — и в рамках оперативно-розыскных мероприятий проводит вечер в квартире Марины. На скромное застолье с псом и коллегой — водка, хлебушек, веселые разговоры — действительно является отец. Проплывает в воздухе в виде прозрачного, завернутого в белый саван морока. Где-то здесь диалектический материализм Крутицкого и заканчивается.

Марина осведомлена хорошо. Отец отныне в секте «мертвых сподвижников», кои именуют себя «форзи» — чистейший авторский неологизм. Жизнь — болезнь, смерть — «естественное состояние человека», и мир *Там* лучше («вы не думали, почему мертвые не возвращаются?») — резонно задумывается Марина). И только мертвая душа по-настоящему здорова. Крутицкий с подобной политической программой не согласен — ведь «какая бы она ни была, жизнь прекрасна и удивительна».

Задача форзи — увести на тот свет, подвести к самоубийству. Марина не сдаётся — но форзи могут и убить. Не ее — так ребенка, и тогда мать сама все сделает. Вечером маленькая дочь Настя здорова — наутро температура 39.9, горячка, бред. Врачи разводят руками — редчайшая форма дифтерита, финальная стадия, жить несколько часов. И уж извините, не верим — не бывает такого, что вчера здорова, а сегодня так.

Раньше не бывало. Теперь бывает.

Кульминационный момент, закрепление всех сюжетных узлов и одна из самых тяжелых, мрачных, тягучих и по-настоящему жутких сцен — переговоры Крутицкого с Николаем Ильичом на кладбище. Лицом к лицу — следователь опирается на железную ограду и не отводит глаз от портрета тестя. Холодный взгляд, губы подернуты тонкой, едва заметной и замогильно-беспощадной улыбкой, того и глядишь — раскроет рот и отзовется (прекрасный пример т.н. эффекта Кулешова — вне контекста фильма и при отсутствии смежных кадров фотография Мальцева в исполнении прекрасного актера Андрея Дударенко не произвела бы такого ужасающего впечатления). Но нет, портрет недвижим — Николай Ильич отвечает Крутицкому через железнодорожные рупоры, вклиниваясь в неразборчивые переговоры диспетчеров. Дрожь пробивает.

Крутицкий упрасивает отпустить дочь Марины — но у всего своя цена. С безумным блеском во взгляде, то и дело порываясь расплыться в страшной улыбке, следователь предлагает форзи свои услуги. «Я человек грешный... я нужен вам здесь <...> по долгу службы убил троих в пере-

стрелке <...> Я молодой! Сильный! Жадный! Жестокий! Я вовсе не святой! Мне нужно создать условия... мне необходимы жена... дочь... Мы всей семьёй станем тупыми! Безжалостными! Сытыми! Готовыми утопить за стоптанный тапочек! Продать и обрадоваться! Идти по головам, по костям, по трупам... главное, главное — по трупам! Отдайте Настеньку... прошу вас, отпустите... Я отработаю, я все отработаю, вы будете довольны!»

Напоследок Мальцев берет с Крутицкого еще одно обещание — никогда больше не произносить эту «дурацкую присказку “жизнь прекрасна и удивительна”». Отныне «твоя судьба — в твоём языке». «Это и раньше так было», — с грустью отмечает Крутицкий и покидает кладбище.

Дочь жива и здорова — болезни-то, оказывается, и не было. Перепутали — она Мальцева, а анализы принадлежат некой Пальцевой (так и было — или так стало, и вместо дочери Марины форзи забрали другую девочку?). Свадьба, счастливое семейное застолье, медовый месяц в Ялте. Изъясняясь языком Платонова, Крутицкий «не выдерживает темпов счастья» — и два раза нарушает свой главный запрет. В первый раз прощен, во второй — лишь чудом, благодаря вою встревоженной собаки («ведь собаки чувствуют мертвецов») выбегает с Мариной и ребенком из рушащегося отеля. Кто знает, может, и это бы простили — но Крутицкий нарушает саму суть договора с форзи и помогает спасателям вытаскивать выживших. Назад пути больше нет. Трагическая случайность (на деле — никакая, конечно, не случайность) убивает Марину и Настю.

Путь у Крутицкого один — самоубийство. В записке пишет кратко: «Жизнь прекрасна и удивительна». Последний вызов, уже ничего не меняющий.

Эссенция времени здесь — в обиде, подсознательно затаенной миллионами на ход русской истории. Семьдесят лет строительства коммунизма — не добежали и до социализма. И воевали, и строили, и терпели, и шли по костям — все в труху. Теперь демократия, свобода, рынок — а вокруг хаос, бандитизм, нищета. Снова терпеть? Или снова по костям?

Крутицкий выбирает второе. Ради личного счастья обязуется давить за стоптанный тапочек, всей семьёй стать тупыми и безжалостными — читай, слепым орудием в руках власти над ним имущих. И запрет Мальцева называть жизнь «прекрасной и удивительной», в общем-то, представляет собой запрет на оголтелый цинизм — где тут прекрасное и что тут удивительного, если собрался идти по трупам?

Необъяснимое превращение светлого человека Мальцева, героически отдавшего свою жизнь за тысячи невинных, в безжалостного форзи, забирающего к себе собственных дочерей и внуков — метафорическое воплощение катастрофического разрушения всех социальных и даже семейных связей в переломное время. Старшее поколение больше не авторитет, веры им нет. Как в «Чучеле» Ролана Быкова, где школьники издевательски, но не беспричинно спрашивают учительницу истории — мол, зачем нам вас слушать, если вы рассказываете только то, что партия скажет?

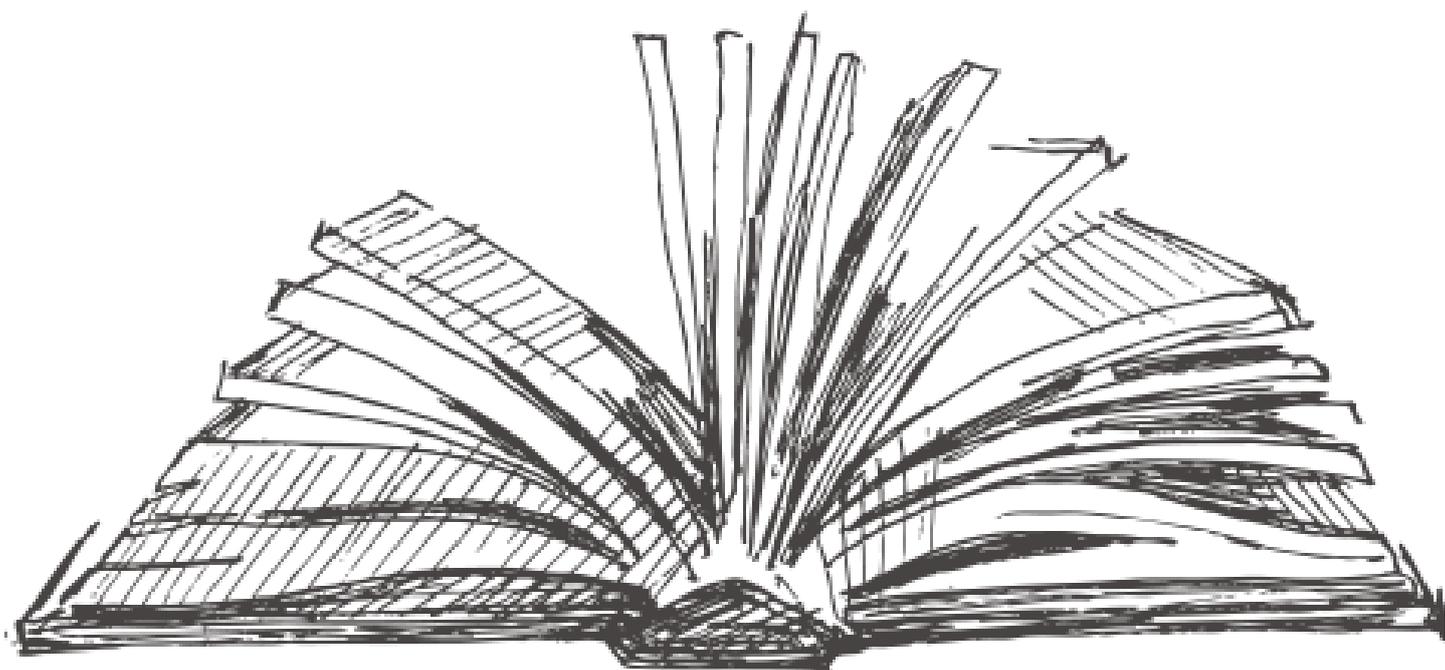
И снова — не только недоверие, но и обида. Глубокая, подсознательная, неведомая, но где-то внутри затаенная. Не поколение ли отцов (годы жизни Мальцева с надгробья «1921–1980») довело до такого? Героическое поколение ВОВ, жутких 30-х годов — те самые, из которых гвозди б делать — где же светлое будущее? Не вы ли его нас лишили своим застоём, закостенелостью, медленным одряхлением?

И Мальцев на том свете, интересы которого он отныне представляет, вероятно, простроил ана-

логичную цепочку размышлений. Если первый рефлекс при попытке достичь личного счастья — метод Крутицкого «по головам, по трупам», то к чему это все? Любопытно здесь то, что форзи насылают на Настю смертельную болезнь сразу после сближения Марины с Крутицким — почему не раньше? Не проверка ли? Может, и любовник сестры Марины (который был осведомлен о явлении отца и туманно намекал Крутицкому на наличие потусторонних сил) явил малодушие, в результате чего Мальцев и забрал дочь?

Что ждать от этих людей? Зачем оставлять среди них своих родных?

Оставаясь прекрасным образцом самобытного, по-настоящему пугающего и жуткого фильма жанра хоррор, «Прикосновение» вбирает в себя и умонастроения большинства жителей страны эпохи 90-х — страх прошлого, страх настоящего и растерянность перед будущим. Решивший пойти по костям, договорившийся с всемогущими властителями потустороннего мира Крутицкий губит и себя, и всю новоиспеченную семью. Правы те, кто говорят, что на крови нельзя ничего построить. Если цена счастья — кровь, то кому оно тогда нужно? И лишь форзи лишний раз убеждаются в правоте своих взглядов.

Брик, Тамара и волшебный шкаф

БРИК, ТАМАРА И ВОЛШЕБНЫЙ ШКАФ

Пятого сентября минувшего года в городке писателей Переделкино начала свою работу выставка под названием «Хроники Переделкина: записки исследователей», посвященная хронологии жизни переделкинских домов с момента их строительства и до современности. Выставка эта не укладывается в представления о традиционных музейных экспозициях, во многом нарушает горизонт ожидания зрителя, пришедшего посмотреть на экспонаты с «этикетками». Эта выставка одновременно является информативным сообщением об истории Переделкина и самостоятельным художественным высказыванием. «Хроники Переделкина» по духу близки перформативному искусству, выставка оказывает сильное эмоциональное и эстетическое воздействие на реципиента.

В название проекта вынесена своего рода «жанровая» характеристика: записки исследователей. Такое определение связано с тем, что зритель, попавший на выставку, как бы включается в исследовательскую работу, посвящается в ее ход. Одним из центральных для выставки становится образ расследования, которому уподобляется разыскной труд ученого. Создатели выставки показали на примере этого образа судьбу конкретного дома (дома Льва Кассиля), но, поскольку с этим образом входящий сталкивается первым, зритель воспринимает как расследование всю выставку. В первом зале располагается настоящая детективная доска, на которой логические связи обозначены красными нитями. Доска содержит не только сведения о том, кто, когда и в каком доме жил, но и возникающие у исследователей вопросы. То есть посетитель выставки не просто знакомится с готовым результатом работы ученых (как это обычно бывает на выставках), зрителю предлагается увидеть материал, с которым работают исследователи, во всей его противоречивости, понять, с какими трудностями они сталкиваются, что лежит на поверхности, а что кажется менее очевидным.

Вместо привычных «этикеток» или «экспликаций» (так называется сопроводительный текст для экспонатов музея) в каждом зале выставки, посвященном отдельному дому, находятся настоящие «исследовательские тетради» — крупного формата картонные папки на кольцах, в которых информация структурирована по десятилетиям и по персоналиям (по писательским семьям, населявшим дом в тот или иной период). Тетради оформлены как личные записки исследователя, а

не официальная публикация научной работы. «Основной» текст в них — печатный, однако много и рукописных заметок на оторванных кусочках бумаги, ошибки в печатном тексте могут быть исправлены от руки. В тетрадях появляются также «рисунки на полях», графические работы, выполненные гелевой ручкой.

Большую часть текста составляют отрывки из воспоминаний поэтов и писателей, их домашних, соседей и друзей. Создатели проекта позволяют самим переделкинцам рассказывать об их эпохе. Такой подход позволяет составить глубоко личное впечатление о жителях городка писателей и их времени, заставляет читателя сопереживать героям «исследовательских тетрадей». Кроме того, образ исследования-расследования поддерживается тем, что одно и то же событие в «исследовательских тетрадях» иногда дается через призму восприятия разных его участников, подобно тому как следователь собирает показания разных свидетелей. Так мы узнаем о том, как Федин просил Пастернака отказаться от Нобелевской премии, не только из заметок самого Федина, но и из воспоминаний жены Пастернака. Для нее плохим предвестием было, что Федин забыл о ее именинах и не поздравил ее, когда пришел в дом к Пастернакам, хотя до этого много лет был на именинах гостем.

В «исследовательских тетрадях» также много фотографий. Приведены и некоторые внутренние пояснительные записки сотрудников сыскных органов, впрочем, в отдельных случаях авторы выставки предоставляют подобные документы в качестве «ненадежных источников», опровергая их содержание. Например, участники

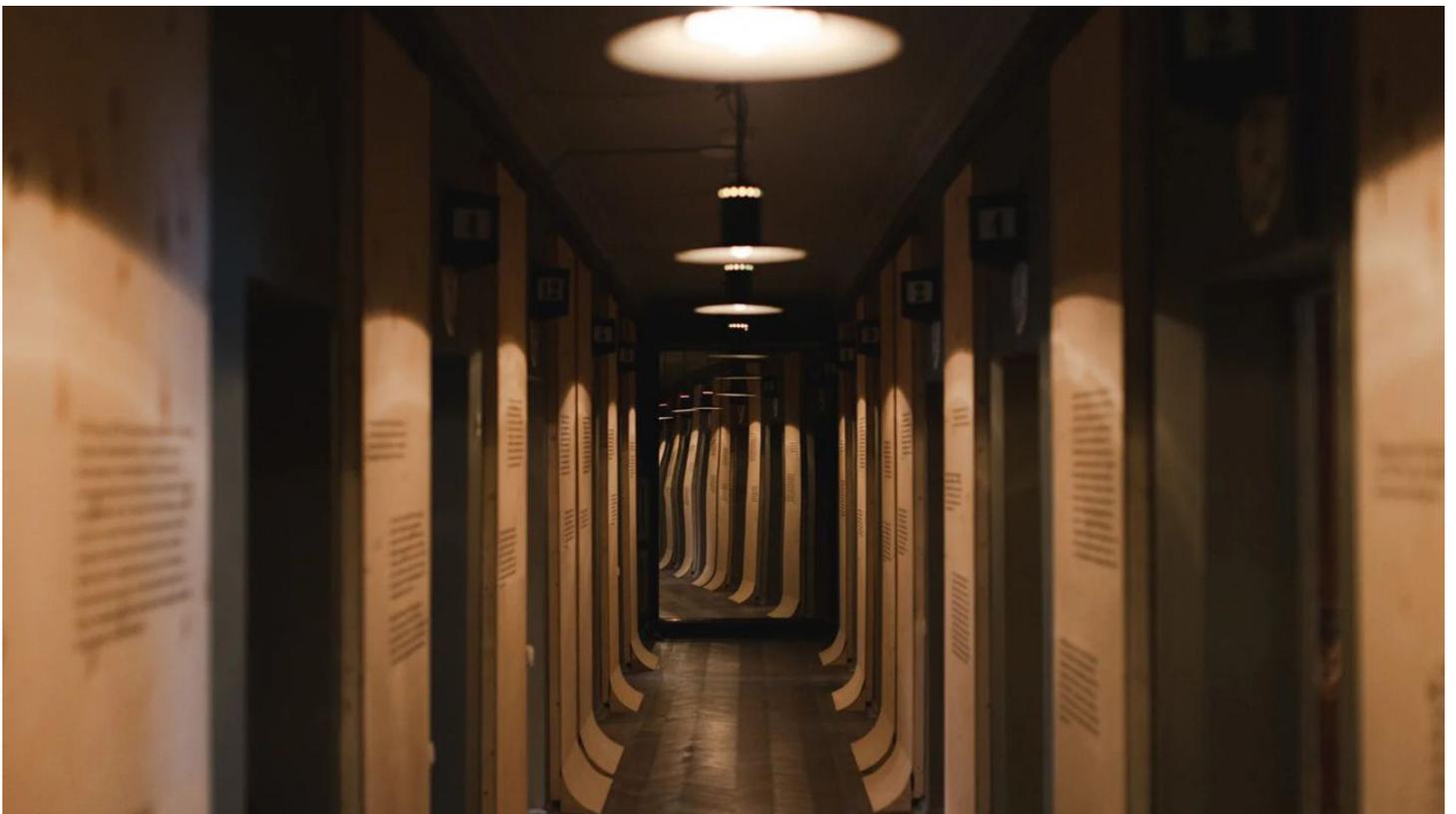

читок, которые устраивала у себя в доме семья Всеволода Иванова, вспоминали, что доносили на них именно те, кого на читки не позвали. Однако в пояснительной записке, составленной на основании такого доноса, оказалась не только информация о том, что конкретно участники в ходе читок говорили, но даже предположение о планах создать при помощи читок орган, аналогичный Союзу писателей. Посетитель выставки из контекста предоставленных ему источников понимает, что донос, скорее всего, содержал вымысел.

Наверное, главным отличием «Хроник Переделкина» от традиционной выставки является то, что создатели проекта выделили один образ, организующий пространство каждого зала. Каждый переделкинский дом получил свое особое настроение, свою эмоциональную окраску. Для дома Иванова, например, был выбран «Образ шкафа. Два платья», поскольку «жизнь в этом доме устраивали две женщины, две гранд-дамы Переделкина: Тамара Иванова и Лиля Брик».

Метафорой, описывающей жизнь в доме Леонова, стало возделывание сада как возделывание текста, а выставочный зал, рассказывающий о судьбе этого дома, превращен в настоящий сад. Живые растения находятся на полу вместе с некоторым количеством земли, висят в горшках на высоте и красиво оплетают собой все пространство. Даже длинный коридор между залами с лампами, характерными для организаций, относящихся к советской пенитенциарной системе, формирует особый образ и вызывает у реципиента конкретный, четкий ассоциативный ряд.

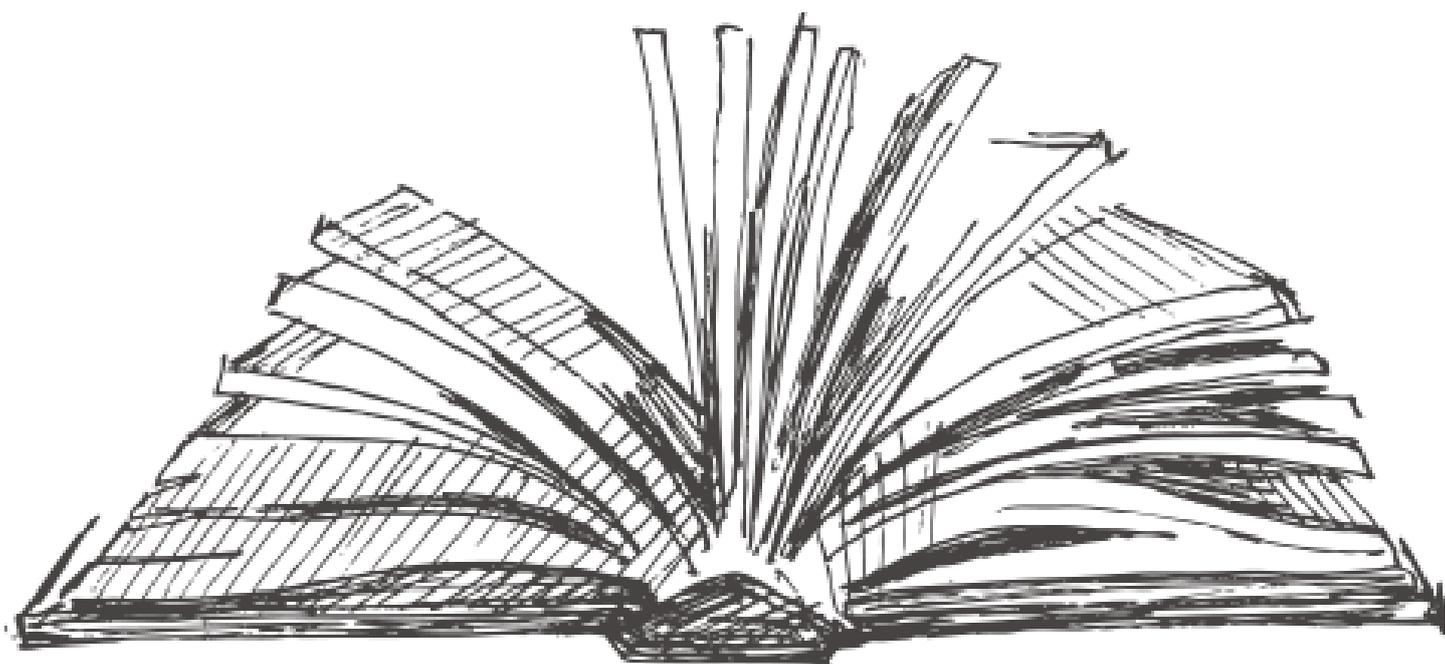

Наиболее мощное эмоциональное воздействие посетители ощущают на себе в последнем зале павильона, посвященного дому Фадеева. Вот что пишут об этом зале создатели проекта: «Страшные судьбы и проклятый дом. До сих пор он стоит пустой и заброшенный в центре городка писателей. Залезли в него, сняли. Страшно». Звуками, видеорядом, освещением нагнетается тревожное чувство. Дом Фадеева показан в заброшенном состоянии.

Отметить стоит и самую разрекламированную часть выставки — комнату, посвященную дому Пастернака. Дом Пастернака как бы висит в воздухе, подвешенный на лесках. Он состоит из фрагментов — разных частей дома. На фрагментах с обратной стороны — воспоминания, посвященные каждому конкретному уголку жилища. Прделана огромная работа, инсталляция очень эффектно смотрится, и дом как бы оживает в отрывках воспоминаний: привязанные к конкретному месту, они становятся очень осязаемыми.

Выставка в целом очень много дает для знакомства с жизнью городка писателей в период его расцвета. Организаторы пишут на сайте выставки, что «“Хроники Переделкина” – проект, который ждали с первого дня работы обновленного Дома творчества». Нужно отметить, что Переделкино в целом сейчас активно (и главное успешно!) работает над своим брендом, популяризируя тем самым историю русской литературы XX века. А это уже в свою очередь неоценимый вклад в современную культурную жизнь столицы, в эстетическое развитие современного общества.

БУКХОППИНГ

Современное поколение 20-летних и 30-летних, выросшее на западных фильмах и сериалах, прекрасно знакомо с таким явлением, как бар-хоппинг. Bar-hopping (с англ. досл. скакание по барам) — это процесс хождения из бара в бар в течение одной ночи. Это действие позволяет не только ознакомиться с новинками и авторскими напитками из меню, но и в процессе перехода из одного заведения в другое пообщаться и познакомиться с новыми людьми. Также уникальность этого процесса заключается в том, что человек может участвовать в нем совершенно один, не стесняясь этого, и за вечер обзавестись новыми знакомствами, которые иногда перерастают в дружбу или даже нечто большее. Другими словами, состав вашей компании за ночь может меняться, так как люди будут постоянно общаться друг с другом и окружающими, привлекая все новых и новых в свой круг. С появлением социальных сетей сами заведения стали организовывать такие хождения, чтобы привлечь новых клиентов, так что этот процесс быстро стал выгодным обеим сторонам и, следовательно, популярным.

Но вернемся в нашу реальность, на пару лет назад, в эпоху ковида и самоизоляции... Сначала все общественные места опустели, потом закрылись на время, а некоторые, как выяснилось позже, и навсегда. Особо целеустремленные организации все же продолжали работать и осуществляли доставку на дом. Перемотаем чуть вперед. Люди вышли, захотели общения, гулять на свежем воздухе и расслабляться. Книжная отрасль, как и многие другие, пыталась найти свой способ привлечь к себе внимание и вернуть клиентов. Особенно небольшие заведения. Особенно независимые.

В 2021 году в Москве Екатерина Бузурнюк, Мария Закрученко, Анна Захарова и Екатерина Татаренко запустили проект «Букхоппинг». Это не экскурсия по книжным или околосредовым местам, как было раньше, а прогулка с людьми, которым нравится читать и обсуждать книги, обмениваться рекомендациями, просто общаться на посторонние темы и расширять свой круг общения. Авторы программы заранее связываются с владельцами независимых книжных и букинистических магазинов с просьбой рассказать участникам прогулки про свои магазины, историю их появления и ассортимент. Еще одна отличительная черта «Букхоппинга» — постоянно меняющийся маршрут, который заранее не известен участникам, поэтому посмотреть за один раз все не получится. За два года существования организаторы провели более десяти прогулок, обойдя около двадцати книжных магазинов.

Все прогулки бесплатные, но необходима регистрация на сайте, чтобы руководители знали точное количество участников и вас пригласили в отдельную беседу. Уже на месте сбора вас встречает руководитель с книгой в руках. Когда все соберутся, вы представитесь друг другу, расскажете о себе и о том, как узнали о проекте. Количество людей, участвующих в прогулке, не более десяти человек, но не удивляйтесь, если обычные посетители магазинов присоединятся к вам в процессе (все по законам жанра). Состав групп тоже разный. Со мной на прогулке была семейная пара, ко-

торая оставила детей на бабушку и решила устроить себе свидание, двое студентов, захотевших скрасить свои выходные, и девушка, которая уже была на «Букхоппинге», но ей этого показалось мало, и она решила вернуться. Время прогулки составляет 3–4 часа, в течение которых можно будет по желанию заглянуть в кафе, чтобы взять с собой что-то тепленькое или прохладительное (в зависимости от погодных условий).

Наше маленькое путешествие началось со станции метро «Новокузнецкая», недалеко от которой находится скрытый независимый книжный «Циолковский». Мало кто до него добирается: сначала надо завернуть во двор, пройти мимо тату-салона, подняться по узкой деревянной лестнице, пройти по коридору между различными офисами, открыть жестяную дверь во мрак, а потом выйти, наконец, на прекрасную мансарду. Сразу на входе расположена коробка с бесплатными книгами, старыми и новыми номерами журналов и газет, которые оставляют посетители. Потом вы оказываетесь в просторном зале с четырьмя арками (слева направо): букинистический отдел, где живет сойка; зал популярной литературы, где можно посидеть; зал с узконаправленной и детской литературой и зал современной литературы и литературоведения. Выбор литературы очень большой, каждый стеллаж подписан, также в помещении имеются алфавитные указатели. Когда глаза привыкают к оби-

лию книг, взгляд сразу притягивают окна на потолке и стенах, которые обеспечивают натуральное освещение и визуально расширяют пространство. В этом месте мне хотелось остаться подольше, так как там очень приятная атмосфера и запах книг буквально пропитывает тебя. И да, книжек там так много, что они фактически подпирают потолок, стены и другие стопки книг.

После нас отвели в пару маленьких букинистических магазинов. Хоть они и были расположены в подвалах, там можно было найти поистине уникальные экземпляры книг. Первоиздания произведений, книги, подписанные авторами или другими литературными фигурами, да и просто редкие и давно не выпускаемые сочинения и работы. Именно там я нашла сборник «Художник и книга» Н. Кузьмина с его автографом, первое российское издание «Лолиты» В. Набокова и целый стеллаж со старыми номерами различных толстых журналов. Несмотря на то, что у букинистических

магазинов сейчас мало покупателей, у многих есть свои сайты, где вы можете узнать о наличии нужных вам произведений.

Кончалось наше путешествие в независимом книжном «Пархоменко», который расположен у

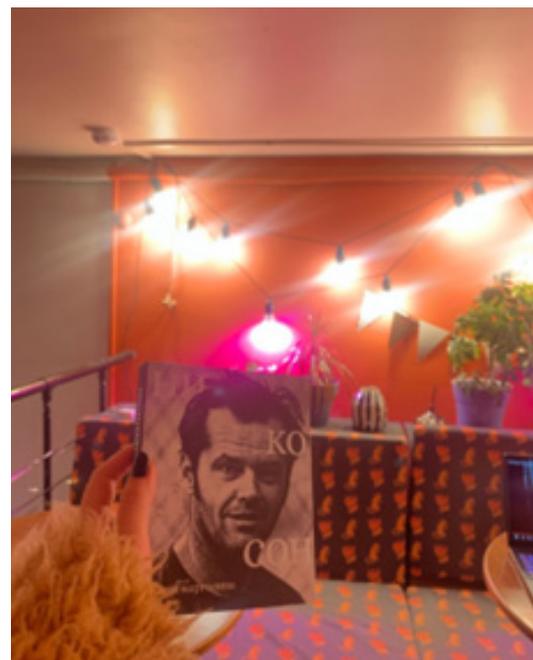

станции метро «Павелецкая». Этот магазин небольшой, но там очень уютно: есть большое желтое кресло на первом этаже, где можно уютно посидеть, перелистывая книги, и рабочая зона на втором, с мягкой скамейкой, столиками, гирляндами и окном. Этот книжный специализируется на современной литературе разной направленности: от книг про искусство, кино, фотографию и музыку до современных фантастических журналов. Отдельное внимание создатели уделили детской литературе, ведь владельцы — семейная пара с ребенком, сами часто бывают на смене и легко могут проконсультировать по ассортименту, помочь в выборе идеального книжного подарка как для самых маленьких ценителей, так и для людей, которые за свою жизнь «все» прочли. Покоряет этот книжный не только ассортиментом, но и оформлением. Мой совет: когда вы будете пробегать глазами по полкам, не поленитесь посмотреть и на края книжного шкафа, там прикреплены цитаты и фотогра-

фии разных писателей. В «Пархоменко» также есть кафе с круассанами, кофе, чаем, лимонадами и самыми вкусными, на мой взгляд, паштел-де-ната, которые я непременно вам рекомендую в качестве благодарности самому себе за проделанный путь.

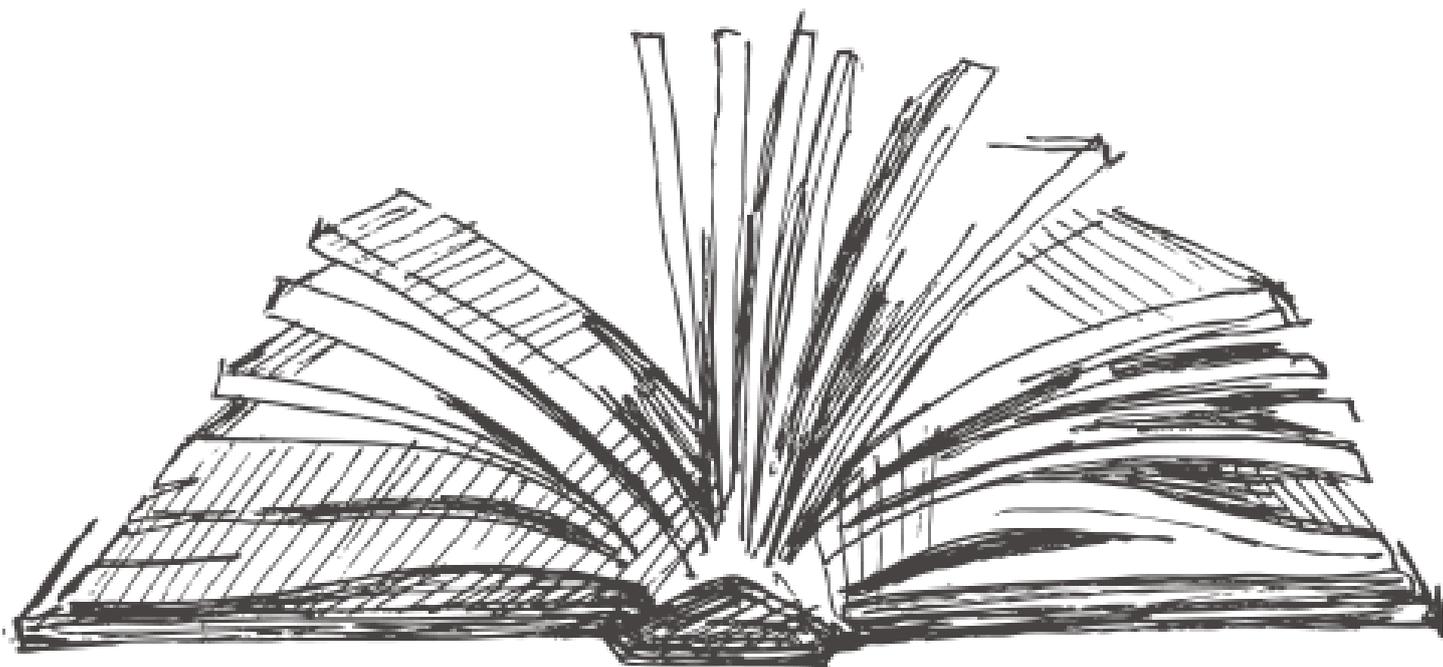
После прогулки вас фотографируют с покупками, снимают отдельно и купленные вами книги, так как руководители ведут учет покупок для статистики. Если будет желание поделиться своими впечатлениями, то вы можете дать мини-интервью, чтобы рассказать, какие книжки вам нравятся и что вы купили — все это может появиться в их соцсетях в виде анонимного поста с текстом. Книжные магазины никак не помогают организаторам экскурсий финансово, уже после прогулки вы по желанию можете переслать удобную вам сумму денег для поддержки команды.

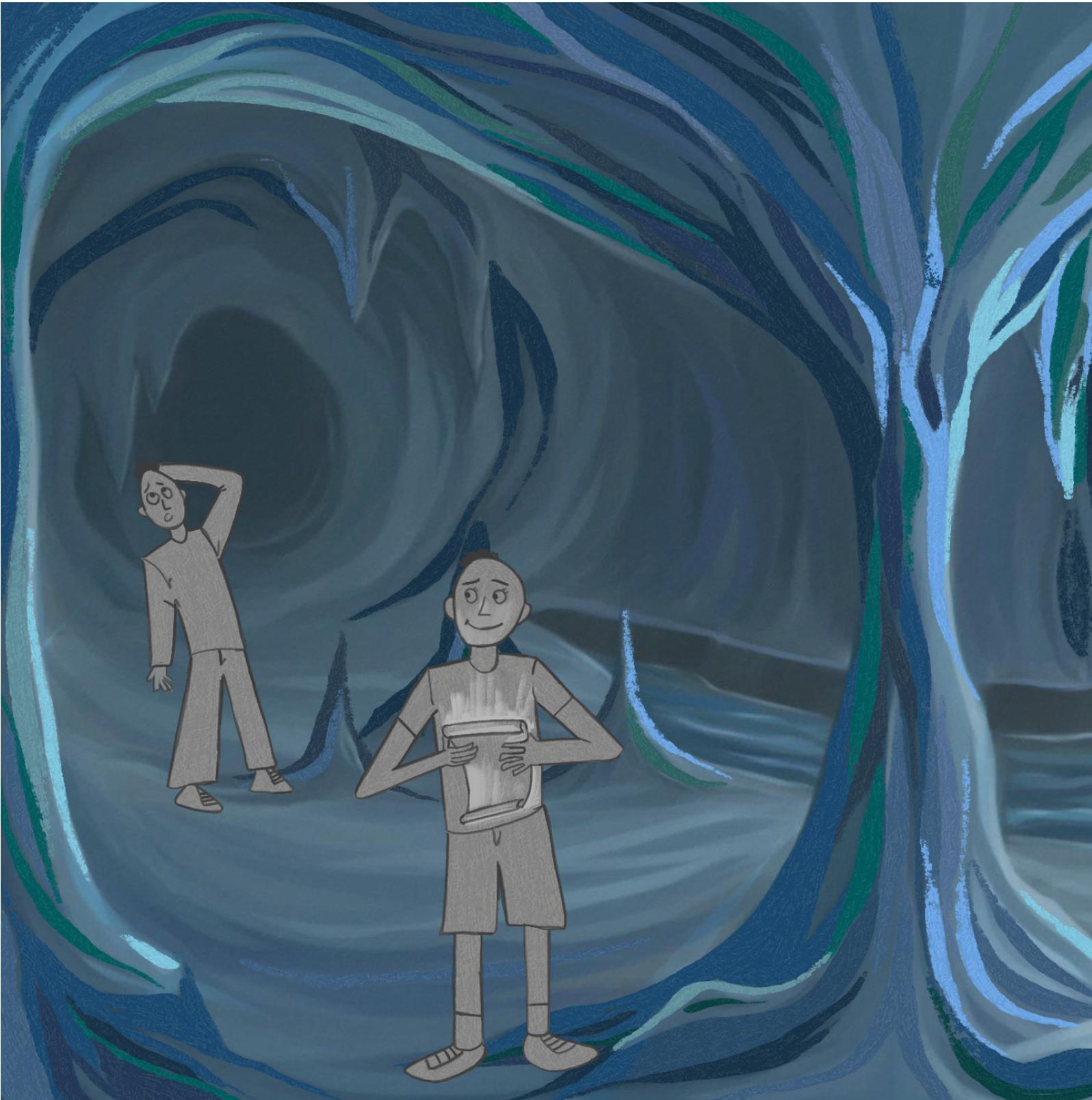
Подобные прогулки устраивают в Санкт-Петербурге (от независимых книжных магазинов «Подписные издания» и «Все свободны»), Казани (от независимого книжного «Смена») и в Екатеринбурге. Так что при поездке в другой город вы можете поискать информацию о прогулках по книжным. На них вы сможете и с местными жителями

познакомиться, чтобы узнать больше о городе, и посмотреть, как живет там книжное сообщество.

Букхоппинг — отличный способ расслабиться, прогуляться по центральным улочкам любимого города, культурно провести свободное время с интересными и разносторонними людьми. Бесспорное преимущество таких прогулок состоит еще и в том, что вы можете пообщаться с создателями и энтузиастами книготорговли и задать им интересующие вас вопросы. Такая прогулка идеально подходит для современной городской молодежи, которая, с одной стороны, устала от постоянных сообщений в телефоне и не хочет ни с кем общаться, а с другой стороны, активна и любознательна. Лично я благодаря проекту «Букхоппинг» узнала много новых мест, куда теперь постоянно хожу, привожу друзей и где покупаю подарки. Это места, где можно спрятаться от городской суеты, медленно прогуляться по переулочкам вдоль книжных шкафов, найти новую и интересную книгу на будущее или потрепанный сборник из далекого детства, который идеально впишется в вашу домашнюю библиотеку.

ДУХ ЛИТЕРАТУРЫ ПОДПОЛЬНОЙ

*...Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.
Данте, Божественная комедия*

Как не заметить, что интерес к андеграундной, подпольной, неофициальной литературе в целом и конкретно к неподцензурной поэзии сегодня не только сохраняется, но и с каждым годом возрастает? На театральной сцене в последние пять лет все чаще ставят спектакли про неофициальных поэтов второй половины XX века. Например, героями спектакля «В тени Бродского» (2019–2021 гг.) мастерской К. Райкина стали Г. Горбовский, О. Григорьев, Л. Аронзон, А. Хвостенко и А. Миронов. Есть постановки, в которых на сцене появляется собирательный образ неподцензурного поэта, в его чертах угадывается множество андеграундных авторов сразу, как в спектакле «Поэтическое кафе “Луч”» (в репертуаре с 2020 года) Московского Губернского театра. И в литературоведении подпольная литература изучена далеко не полностью. То и дело из типографий выходят книги об авторах, чьи произведения ранее были скрыты от читателей или мало известны (Сергей Кулле, Евгений Вензель, Александр Ожиганов). А также появляются интересные курсы лекций об андеграундной литературе, цель которых — системно и последовательно рассказать слушателям о неподцензурной литературе как особом феномене отечественной словесности XX века.

В октябре 2023 на образовательной платформе «Магистерия» вышел курс лекций Антона Азаренкова «Подземные реки. Русская неподцензурная поэзия XX века», прослушать который можно после регистрации на сайте совершенно бесплатно и в любое удобное время. Курс состоит из девяти лекций, общая продолжительность их — 6,5 часов. Лекции сопровождается видеointервью Антона Азаренкова с Ольгой Седаковой («Ольга Седакова о неподцензурной поэзии (интервью Антону Азаренкову)», YouTube), одним из неофициальных поэтов, продолжающим свою творческую и исследовательскую деятельность и сегодня. Лекции и видеointервью позволяют слушателям узнать о различных вехах существования неподцензурной литературы, условиях, способствовавших развитию андеграунда в СССР. Также они дают возможность окунуться в атмосферу, в которой были созданы эти запрещенные цензурой к публикации по самым разным причинам тексты, потому что в курсе часто цитируются фрагменты из воспоминаний и мемуаров.

Сами андеграундные поэты нередко пытались в своих стихотворениях художественно осмыслить причины своего расхождения с официальной культурой, объяснить свою «подпольность», а также ответить на гонения и притеснения со стороны советской власти. Например, в стихотворении А. Еременко «Самиздат 80 года» изображены все этапы создания неподцензурного сборника и последствия данного действия для двух поэтов:

И за то, что много света
в этой книжке между строк,

два молоденьких поэта
получают первый срок.

Первый срок всегда короткий,
а добавочный — длинней,
там, где рыбой кормят четко,
но без вилок и ножей.

В курсе лекций Антон Азаренков рассказывает о том, что интересует и волнует его самого, это проявляется и во внимательном отборе рассматриваемых поэтических текстов, и в выборе персоналий, среди которых есть как более известные, так и редко упоминаемые андеграундные авторы, ко всем из них автор курса относится с большим уважением. Интересует андеграунд Азаренкова в первую очередь профессионально.

Как и интервьюируемая Ольга Седакова, автор курса является поэтом и филологом. Антон Азаренков (1992 г.р.) закончил Смоленский государственный университет, защитил кандидатскую диссертацию по творчеству Иосифа Бродского, а в настоящее время является доцентом НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Русская неподцензурная поэзия XX века — сфера его научных интересов наряду с современной поэзией и стиховедением. И все три области в исследованиях автора рассматриваются как тесно взаимосвязанные.

Неподцензурная поэзия XX века Азаренкова интересует не только как самоценный феномен, но и как явление, оказавшее влияние на поэтику многих современных поэтов, в том числе и его собственную, о чем автор рассуждает в заключительной лекции курса: «Многие из современных поэтов, кто начинал в 1990-е и 2000-е, ориентировали свой голос именно на неподцензурную поэзию. Вторая литература официально стала первой, каковой и была, по моему глубокому убеждению, все это время, сформировав новый поэтический канон. Творчество таких современных поэтов, как Линор Горалик, Полина Барскова, Дмитрий Воденников, невозможно представить без Елены Шварц. Алла Горбунова, Екатерина Симонова, Василий Бородин и ваш покорный слуга многим обязаны Ольге Седаковой». Также в творчестве андеграундных поэтов XX века Азаренков видит зачатки многих направлений современной поэзии: «Флагманом того сегмента поэзии, которую сегодня принято называть актуальной, по праву считается Аркадий Драгомощенко. Без Пригова непредставима современная политическая поэзия, а без Айги и трансфуристов — новейший авангард. Я не говорю уже о Бродском, который, помимо беспрецедентной волны эпигонов, породил в русской поэзии, как мне кажется, что-то вроде литературного направления имени себя, дальним эхом которого стала так называемая сетевая поэзия, так популярная у нас в народе».

В структуре курса проявляется то, что Антон Азаренков — поэт. Девять лекций напоминают девять кругов ада из «Божественной комедии» Данте. Правда, лекции отличаются друг от друга не степенью «ужасности» описываемого, а переходом разговора от более общих замечаний к конкретным примерам, которые все же порой заставляют слушателя удивиться или испугаться. А автор курса, как Вергилий, сопровождает нас в путешествии по ним. Сравнение с «Божественной комедией» здесь не случайно, сюжет поэмы как минимум однажды уже был связан с именем

автора курса. В стихотворении Даны Курской «Польское кладбище в Смоленске», посвященном Антону Азаренкову, лирическая героиня называет своего спутника Вергилием, а себя — Данте. Лирическая героиня и реалии в произведениях Курской крайне автобиографичны. И вот в стихотворении возникает родной город Азаренкова — Смоленск, по которому Данте путешествует рука об руку с Вергилием, а лирической героине столько же лет, сколько было автору в момент написания произведения. Прогулка по польскому кладбищу в Смоленске уподобляется спуску Данте в сопровождении Вергилия в ад («Зачем пришли мы в этот край печальный, / божественных комедий возжелав?»), и само кладбище, разраставшееся кольцами, напоминает лирическим героям «девять (или сколько там?) кругов».

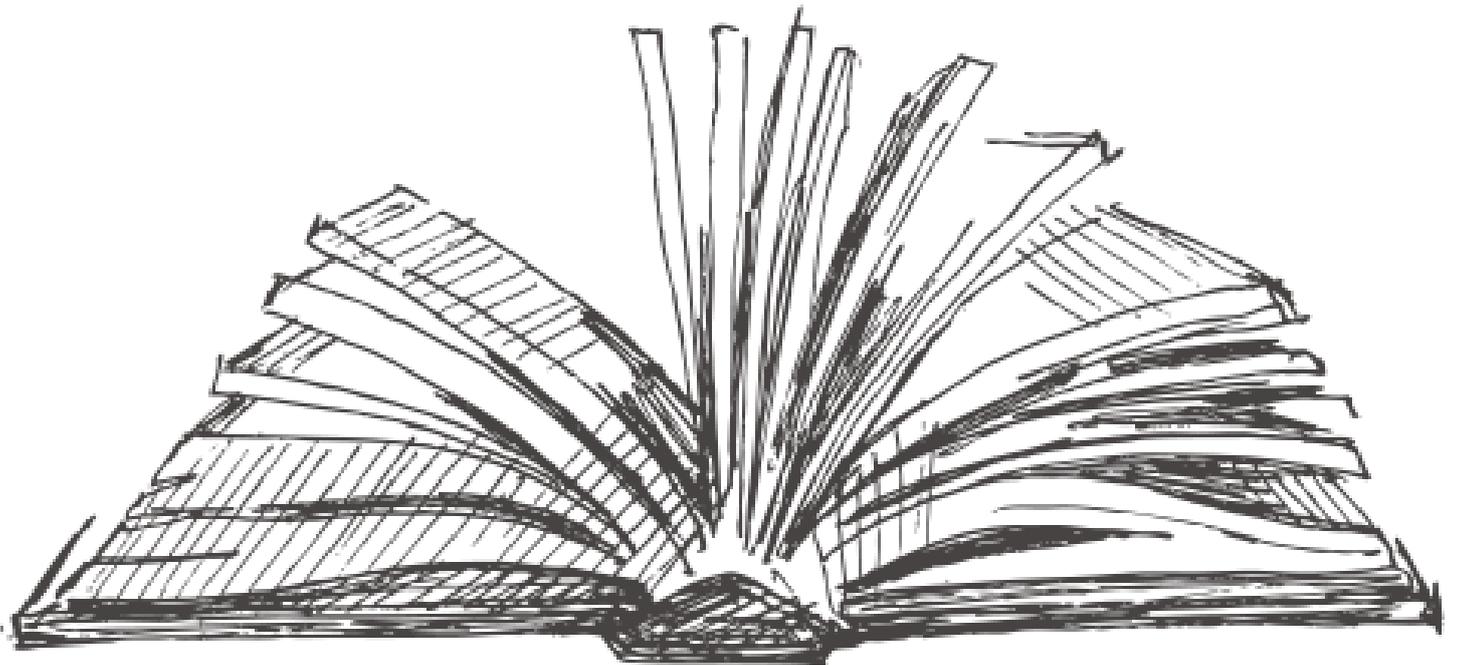
Но мы не будем углубляться в метафоры и сравнения, хотя они повсеместно встречаются в названии как курса, так и разделов внутри лекций. «Подземные реки» — заглавный образ, заимствованный Азаренковым из стихотворения Виктора Кривулина: «Кто сказал: катакомбы? / В пивные бредем и аптеки! / И подпольные судьбы / Черны, как подземные реки». В обоих употреблениях «подпольные реки» описывают судьбы неподцензурных поэтов XX века. И в названиях разделов внутри лекций нередко выносятся фрагменты и образы из воспоминаний и стихотворений.

С лекциями на портале можно познакомиться не только в аудиоформате. Каждая из них на сайте представлена также в виде текста, который, за исключением малейших отклонений, полностью соответствует речи, произносимой лектором. Значимые картины, фрагменты рассматриваемых воспоминаний, научных работ и произведений представлены на слайдах. Для удобства прослушивания лекции и в аудио-, и в текстовом формате разделены на части, имеющие свои названия: «Чисто эстетические разногласия», «Шестидесятник я лишь потому...» и др. Завершается каждая лекция списком использованной литературы. Курс охватывает как активный период жизни андеграунда, так и истоки (условные «до») и последствия («после»), в нем рассматривается промежуток времени от Серебряного века до современности.

И стоит отметить, что лекции интересны не только широтой временного охвата, структурированным изложением информации и удобством интерфейса сайта. Андеграунд и вторая культура очень интересуют Азаренкова не только как ученого, но и как частное лицо и как поэта, пытающегося нащупать корни своего творчества и жизненных ориентиров. Любопытно, что интервью, которое автор курса дал Борису Кутенкову в связи с выходом лекций («Еще многое предстоит достать из подземной реки», опубликовано в журнале «Формаслов»), начинается и завершается разговором о самом Азаренкове, который ощущает себя слабо связанным с современным литературным процессом, зато признает влияние на поэтику своего творчества многих неподцензурных поэтов, особо выделяя в их ряду Ольгу Седакову. Личное отношение к описываемому ощутимо присутствует и в лекциях: автор не скрывает своей откровенной симпатии к недооцененным в свое время авторам, находит параллели между советской эпохой и современностью. И разговор с Ольгой Седаковой у Азаренкова крутится вокруг не столько литературных деталей эпохи, сколько тесно с ними связанных бытовых и личных наблюдений неподцензурного поэта. От наличия субъективного отношения автора курса к материалу лекции только выигрывают, к тому же они позволяют познакомиться не только с андеграундом, но и с мировидением Азаренкова как поэта, который и сам замечал, что курс — «это, скорее, беглое и очень личное введение, чем системати-

ческое изложение».

Курс отнюдь не является конечным итогом исследования Азаренковым неподцензурной литературы. По словам автора, это лишь один из шагов на пути к написанию книги о поэтике 50–80-х годов и ее связях с современностью. А потому погружение в подполье с его «подземными реками» и девятью кругами ада будет продолжаться. Как знать, какие повороты поджидают Вергилия на этом пути...

ОБ АВТОРАХ

- **АКСЕНОВА ДАРЬЯ** родилась в Липецкой области. Окончила бакалавриат МГУ имени М.В. Ломоносова, в настоящее время обучается там же в магистратуре. Занимается научным изучением литературы первой трети XX века. Участник разнообразных научных филологических конференций, в том числе международного уровня. Статьи опубликованы в сборниках по итогам конференций и таких научных журналах, как «Stephanos», «Текст». Как автор стихотворений публиковалась в сборнике «Молодые литераторы Раненбурга». Автор критических обзоров для газеты «Литературная Россия».

- **БОЖЕНОВА АНАСТАСИЯ** родилась в Орле. Окончила бакалавриат института филологии «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» по специальности «Педагогическое образование с двумя профилями: русский язык и литература» в 2022 году. В настоящее время учится в магистратуре МГУ имени М.В. Ломоносова на кафедре «истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса».

- **БОЙКО ВЛАД** родился в Уфе. Окончил бакалавриат филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Обучается там же в магистратуре.

- **ГЕРОНИМУС ЕВГЕНИЯ** родилась в Москве. Окончила бакалавриат филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности «Русский язык и литература» в 2022 году. В настоящее время учится в магистратуре. С интересом изучает литературу Серебряного века, занимается текстологией и эпистолярным наследием русских писателей.

- **ЕРМОЛАЕВА КАРИНА** родилась в Казани. Окончила бакалавриат филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности «Русский язык и литература» в 2022 году. В настоящее время учится в магистратуре. Произведения публиковались в журналах «Идель», «Казань», «Путеводная звезда», «Сура», «Аргатак», сборниках поэзии и прозы. Критическая работа вошла в антологию «Русская поэтическая речь—2016. Аналитика: тестирование вслепую». Участник семинаров переводчиков с национальных языков России, организованных фондом СЭИП 2018–2020 гг.

- **КОРНЕЕВА ОКСАНА** родилась в Орле. Окончила бакалавриат института филологии «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» по специальности «Педагогическое образование с двумя профилями: русский язык и литература» в 2022 году. В настоящее время учится в магистратуре МГУ имени М.В. Ломоносова на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса.

- **МАКАРОВА АНАСТАСИЯ** родилась в Туле. Окончила бакалавриат филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности «Русский язык и литература». В настоящее время учится в магистратуре МГУ на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса. Занимается литературой Серебряного века, творчеством Н.К. Рериха, изучает проблему синтеза искусств.

- **НЕРАЗМЕННАЯ БАБОЧКА** — благородный представитель чешуекрылых. Вид имеет гордое латинское название: *Papilio machaon*. Дневная бабочка из семейства парусников. Высшего

образования не имеет, так как продолжительность жизни имаго не превышает трёх недель, а гусениц в университет, как известно, не принимают. В связи с этим в поле литературной критики выступает как любитель. Окуклилась в Каспийской низменности. Кормовыми растениями служат морковь, укроп, петрушка.

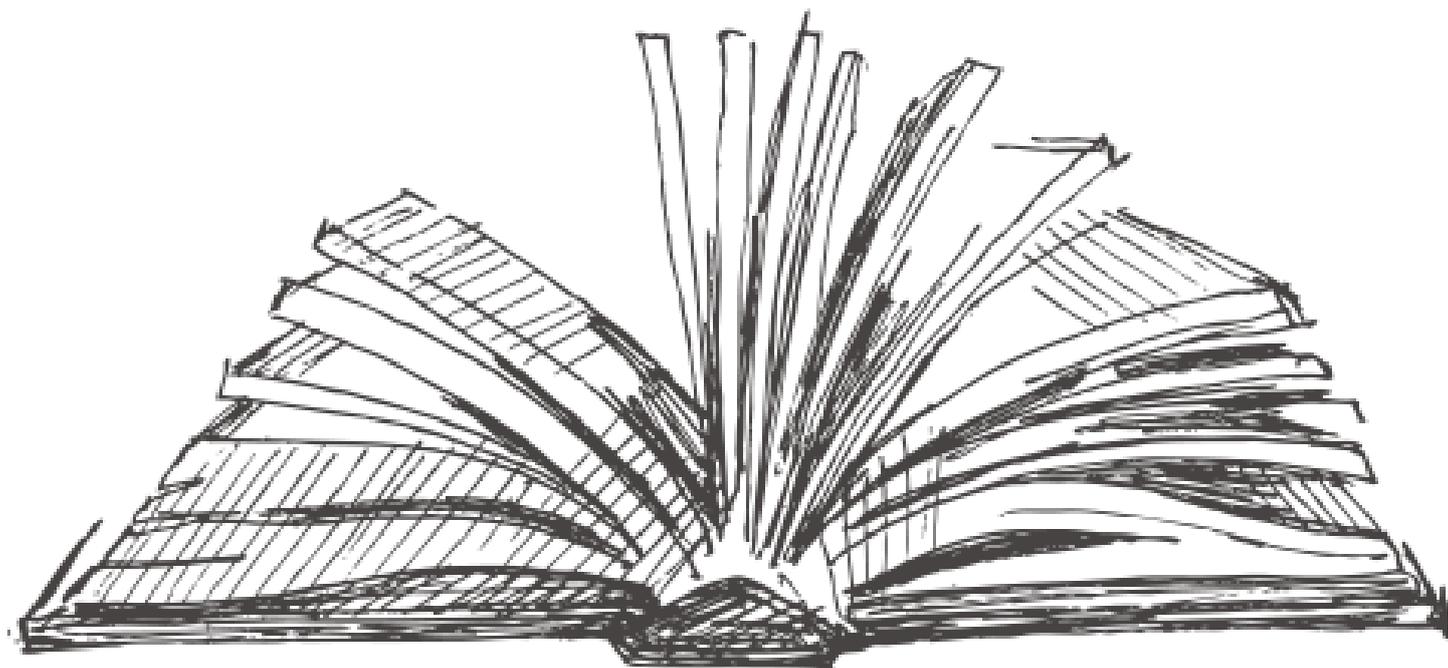
- ОКУТИН НИКИТА любит китайский язык, смотреть перестроечное кино и фильмы Дэвида Линча, читать Платонова, Мориса Бланшо и слушать радиопередачи 90-х годов.

- ПЕНЬКОВА АЛЕКСАНДРА в 2019 году окончила филологический факультет УрФУ. В течение трех лет преподавала в общеобразовательной школе. Свое обучение решила продолжить в 2022 году, поступив на филологический факультет МГУ. В сферу научных интересов входит «новая драма» начала XXI века и театральная периодика.

- ХИЗРИЕВА РИЯ окончила бакалавриат филологического факультета МГУ по специальности «Русский язык и литература». Изучает сетевую литературу и является участником конкурсов современных романов. Любит Пелевина, Корнеля, Уайльда, Натт-о-Дага, комиксы и искусственный интеллект.

- ЦЫГАНОВ ДМИТРИЙ родился в Москве. Окончил бакалавриат филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «Русский язык и литература» в 2022 году. В настоящее время учится в магистратуре МГУ им. М.В. Ломоносова на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса. Занимается научными исследованиями в области «литературного быта» 1920–1950-х годов, взаимодействия культуры и политики, истории советской гуманитарной науки сталинской эпохи. Статьи публиковались в ведущих российских и зарубежных журналах. Участник и научный консультант нескольких грантовых проектов.

- ЯКОВЛЕВА КРИСТИНА — переводчик. Родилась в Москве, окончила Высшую школу перевода МГУ имени М.В. Ломоносова в 2022 г. Обучается в магистратуре филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Литературно-критический журнал
ВО-ВТОРЫХ

